



# Элоиза Джеймс

## Однажды в замке

*Текст предоставлен правообладателем*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=12866541](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12866541)  
*Джеймс, Элоиза. Однажды в замке... : роман: АСТ; Москва; 2016*  
*ISBN 978-5-17-088316-5*

### Аннотация

Прелестной дочери графа Гилкрита Эдит и Гауэйну, молодому герцогу Кинроссу, казалось, суждено было стать прекрасной парой: они страстно любили друг друга и под венец шли с радостью и надеждой на будущее.

Однако долгожданное супружество оказалось отнюдь не безоблачным. С первых дней брак был омрачен взаимными обидами и непониманием, и вскоре Эдит и Гауэйн уже почти ненавидели друг друга.

Все кончено, толком не начавшись, и обоих супругов ждет лишь боль и одиночество? А может, под пеплом обид и разочарований еще тлеют угольки былой страсти и нужно лишь немного нежности и доверия, чтобы они вновь разгорелись в пламя большой любви?

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 11 |
| Глава 3                           | 17 |
| Глава 4                           | 20 |
| Глава 5                           | 24 |
| Глава 6                           | 28 |
| Глава 7                           | 31 |
| Глава 8                           | 34 |
| Глава 9                           | 39 |
| Глава 10                          | 42 |
| Глава 11                          | 50 |
| Глава 12                          | 54 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 57 |

# **Элоиза Джеймс**

## **Однажды в замке...**

Eloisa James

ONCE UPON A TOWER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

© Eloisa James, 2013

© Перевод. Т.А. Перцева, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

## Глава 1

*2 мая 1824 года*

*Лондон, Керзон-стрит, дом 20*

*Особняк графа Гилкриста*

Гауэйн Стантон из Крэгивара, герцог Кинросс, вождь клана Маколей, по возможности избегал общества англичан, считая их безмозглыми болтунами и сплетниками, как часто говаривал его отец. Хотя Шекспир утверждал это до него.

Но, тем не менее, в этот момент он входил в бальный зал – в самом сердце Лондона. И это вместо того, чтобы предаваться любимому занятию: закидывать удочку в бурные воды горного ручья. Таков неприятный, но безусловный факт жизни – или его жизни, во всяком случае: охота на невесту важнее ловли форели.

Не успели объявить о его прибытии, как стайка молодых женщин, широко улыбаясь, порхнула к нему. По его мнению, все они выглядели так, словно страдали запором. Хотя улыбки, возможно, были механической реакцией на его титул. Что ни говори, а он – холостой аристократ, вполне владеющий конечностями, то есть молодой и здоровый, и к тому же богатый. Да и волосы... волос у него больше, чем у многих англичан. Не говоря уже о замке, которым он владел!

Хозяева дома граф Гилкрист и леди Гилкрист ожидали у подножья лестницы, так что незамужние девицы не сразу набросились на Гауэйна. Стантон любил Гилкриста: тот был строг, но справедлив и имел вид задумчивый, почти как у шотландцев. В отличие от многих джентльменов оба интересовались финансовыми делами, и граф был чертовски хорошим инвестором. Поскольку Гауэйн являлся членом правления «Банк оф Скотленд», а Гилкрист занимал такой же пост в Банке Англии, последние два года они постоянно переписывались, хотя встречались редко.

– Ваша светлость, могу я представить свою жену графиню Гилкрист? – спросил граф, выводя леди вперед. К удивлению Гауэйна, графиня оказалась значительно моложе мужа. На вид ей не было и тридцати. Более того, у нее были чувственные полные губы, а полные груди обрамлял глубокий вырез розового шелкового платья. Судя по внешности, она являлась одной из тех аристократок, которые подражали манере поведения балетных плясуний.

Гилкрист же очень напоминал сурового церковного старосту. Вряд ли они гармоничная пара: муж и жена должны дополнять друг друга по возрасту и интересам.

Графиня рассказывала о своей падчерице Эдит, поэтому Гауэйн поклонился и выразил бесконечное удовольствие от идеи знакомства с молодой леди.

«Эдит. Какое ужасное имя! Очень пристало бы беспечной болтушке. Пустой орех... вислюхая англичанка».

Леди Гилкрист неожиданно оперлась на его руку и попросила проводить в соседнюю комнату для приемов. Бедняга едва не сбежал. В детстве ему пришлось терпеть слуг, постоянно крутившихся рядом, поправлявших его одежду, касавшихся шеи, вытиравших рот. Но с тех пор как ему исполнилось четырнадцать, больше не приходилось терпеть подобных фамильярностей, разве что в случае крайней необходимости.

Поскольку Гауэйн очень мало времени проводил один, то предпочитал воздвигать барьер между собой и миром. Он не жаловался на отсутствие личной жизни. И чувствовал, что зря тратит время, если, к примеру, одеваясь, не слушает доклада секретаря. А Гауэйн больше всего на свете ненавидел пустую трату времени. По его мнению, жизнь и так слишком коротка, поэтому нельзя допускать, чтобы все прекрасные моменты пошли прахом.

И будет сущей глупостью притворяться, будто эти моменты бесконечны и вечны, что, по его мнению, случалось, когда люди подолгу лежали в ванне или часами читали какие-то стишки. В его привычке было делать одновременно как можно больше дел.

Собственно поэтому Гауэйн и попал на этот бал: прежде чем завтра отправиться в Брайтон на встречу с группой банкиров, он хотел узнать мнение Гилкрита относительно выпуска банкноты в один фунт. К тому же Гилкрит давал бал, на который непременно придут молодые леди. У Гауэйна была острая – не отчаянная, а именно острая, – необходимость обзавестись супругой.

Следовательно, появилась возможность убить двух зайцев одним выстрелом. Правда, Гауэйн предпочитал убивать за раз трех или четырех, но иногда приходится довольствоваться меньшим.

Единственная проблема заключалась в том, что комната была битком набита англичанками, а он давно решил, что жениться на англичанке – идея не из лучших. Однако у шотландского дворянина всегда найдется веская причина связать себя родственными узами с одним из знатных английских домов.

Но правдой было и то, что английская девушка... это английская девушка. Всем известно, что это наглая раса. Здешние аристократки не делали ничего, лишь цедили бесконечные чашки чая целые дни напролет, в то время как их шотландским сестрам на севере ничего не стоило управлять поместьем с тысячу овец и одновременно растить четырех детишек.

Например, его бабушка без нытья и жалоб работала с рассвета до заката. Если нужно было что-то читать, она всегда говорила, что чтение должно служить обогащению ума. Библия и Шекспир, а для легкого чтения – эссе Монтеня. Покойная невеста Гауэйна была выплавлена из того же металла, что в принципе неудивительно, учитывая, что бабушка сама устраивала этот брак. Мисс Розалин Партридж умерла от лихорадки, которой заразилась, навещая бедных... в ее случае добродетель так и не получила вознаграждения.

Гауэйн считал, что основными качествами невесты должны быть прилежание и усердие (кроме очевидных: красоты, девственности и хорошего происхождения). Будущая герцогиня Кинросс не должна тратить время зря.

Леди Гилкрит потащила Гауэйна через весь бальный зал в помещение поменьше. Быстрый осмотр комнаты показал, что с точки зрения богатства или титула ни один холостой мужчина, присутствующий здесь, не мог тягаться с ним. Собственно говоря, во всем Лондоне может найтись трое достойных ему соперников.

Так что, строго говоря, необязательно тратить время, ухаживая за будущей женой, как только он ее выберет. Рынок невест ничем не отличается от других рынков, и когда Гауэйн найдет подходящую, просто перекупит ее у остальных претендентов.

Графиня отвела его в сторону. Они остановились перед молодой леди, которую она представила как свою падчерицу.

Этот момент стал одним из тех, что отделяют прошлое от настоящего и навсегда изменяют будущее. Леди Эдит было не место в душном английском бальном зале. Светилось в ней нечто потустороннее, словно она мечтала о доме под холмом, где обитали феи. Глаза казались зелеными прудами, такими же глубокими и темными, как шотландские озера в бурю.

Она могла похвастаться восхитительными изгибами, а волосы блестели, как золотые яблоки солнца. Они завивались буклями и локонами, и все, что теперь желал Гауэйн, – это распрямить их и любить эту леди на постели из вереска.

Но именно эти глаза манили герцога, хотя смотрели на него с учтивым безразличием, мечтательной безмятежностью, без малейшего признака лихорадочного энтузиазма, с которым его обычно рассматривали незамужние молодые дамы.

Гауэйн не считал себя человеком, склонным к плотским желаниям. Герцог, по его мнению, не имел права поддаваться похоти. Он с насмешкой наблюдал, как его знакомые джентльмены падают к ногам женщин с кокетливыми улыбками и округлыми ягодицами. Он испытывал к ним жалость, как сейчас, при виде графа и его цветущей жены. Но в этот момент стоило лишь взглянуть на леди Эдит, как любовь и ее спутница-поэзия возымели смысл. На память пришла строчка стихотворения, словно написанная для этого мгновения:

Я красоты не знал до этой ночи<sup>1</sup>...

Возможно, и Шекспир иногда на что-нибудь годился.

Розовые губки леди Эдит сложились в улыбку. Низко присев, она наклонила голову:  
– Ваша светлость, какое удовольствие познакомиться с вами.

Для Гауэйна графиня словно перестала существовать. Мало того, зал, полный людей, слился со стенами.

– О, удовольствие целиком мое, – возразил он, не кривя душой. – Могу я иметь честь пригласить вас на танец?

Он протянул руку. Сей жест был встречен без особого энтузиазма, но со сдержанностью, привлекавшей его так же сильно, как оттолкнула бы готовность. Гауэйн хотел одного: заставить эти безмятежные глаза светиться для него, видеть в ее взгляде восхищение, даже обожание.

Леди вновь наклонила голову и взяла его руку. Ее прикосновение жгло даже сквозь перчатки, словно согревая некую часть его души, которая до сих пор была холодна. Вместо того чтобы поморщиться, он боролся с порывом притянуть ее ближе.

Эдит танцевала грациозно, как морская волна. И все время молчала.

В танце приходилось отстраняться и отдаляться. Пара оказалась в другом конце зала, и тут до Гауэйна дошло, что они до сих пор не обменялись ни словом. Он не мог вспомнить ни одного человека, который был бы столь же молчалив в его присутствии. И все же она, очевидно, не испытывала ни нужды, ни склонности говорить с ним. Ему же и молчание казалось приятным.

Гауэйн осознал, что испытывает огромное удивление.

Они повернулись и стали продвигаться обратно. Он пытался придумать, что сказать, но на ум ничего не приходило. Герцог овладел искусством вежливой беседы и мог несколькими, прекрасно выбранными словами успокоить целую гостиную, полную людей, взбудораженных его присутствием.

Но по его мнению, молодые леди не нуждались в поощрениях. Обычно они лихорадочно улыбались, болтали глупости, а их глаза посылали сверкающие послания в его сторону. Гауэйн был отнюдь не глупцом. И понимал, что жизнь только сейчас преподнесла ему само совершенство. Все в Эдит было изысканным: ее непринужденное молчание, ее безмятежность, ее очаровательное лицо, манера танцевать так, словно ноги едва касались земли.

Из нее выйдет идеальная герцогиня Кинросс. Гауэйн уже представлял портреты, которые закажет: сначала только герцогини. Потом второй из четырех или пяти: он предоставит ей решать вопрос о количестве детей. Но первый будет висеть над каминной доской в величественной гостиной.

Танец закончился – заиграли вальс. Леди Эдит присела перед ним.

– Вы окажете мне честь протанцевать и этот танец?

Его голос лишился обычного размеренного тона и звучал взволнованно.

Она подняла на него глаза и тихо ответила:

---

<sup>1</sup> Строфа из монолога Ромео.

– Боюсь, что этот танец обещан лорду Бекуиту...

– Нет, – отрезал Гауэйн, хотя прежде никогда не поступал так неучтиво.

– Нет?

Глаза Эдит слегка расширились.

– Этот вальс мой.

Стантон протянул руку. Леди чуть помедлила и снова вложила в его ладонь свою. Осторожно, словно укрощая птичку, он положил вторую руку ей на талию.

Кто бы мог подумать, что вся эта романтическая чепуха о том, что прикосновение возлюбленной обжигает, окажется правдой?

Пока они танцевали, Гауэйн смутно сознавал, что все собрание глазаеет на них. Герцог Кинросс два раза подряд танцует с дочерью Гилкреста! К утру новость облетит весь Лондон.

Но Гауэйну было все равно. Сердце билось в такт музыке, пока он изучал Эдит. Пристально. Черту за чертой. Она была абсолютно восхитительна. Губы такой формы, точно у нее в запасе поцелуй или улыбка, которых она никогда никому не дарила.

Их ноги двигались в идеальной гармонии с музыкой. Гауэйн в жизни не танцевал лучше. Они вальсировали, как искры, выброшенные пламенем, но по-прежнему не произносили ни слова.

Ему пришло в голову, что слова и не нужны: они беседовали языком танца.

У Гауэйна зародилась еще одна мысль: он никогда не сознавал, как одинок. До этой минуты.

Когда последние аккорды вальса замерли, он поклонился партнерше, и снова выпрямившись, обнаружил рядом выжидавшего Бекуита.

– Герцог, – начал тот, с отчетливым холодком в голосе, – по-моему, вы ошиблись: этот танец был обещан мне.

Он с видом несправедливо обиженного выставил локоть в сторону леди Эдит.

Та повернулась к Гауэйну с вежливой прощальной улыбкой и положила ладонь на сгиб руки Бекуита.

Гауэйн сторал от нетерпения. Он шотландец и не понимает подобного рода учтивости, особенно между мужчиной и женщиной. Он хотел показать ей, что чувствует. Увлечь за колонну, сжать в объятиях и поцеловать.

Но она не его жена... пока. А до тех пор придется следовать правилам.

Он наблюдал, как его будущая жена идет к танцующим под руку с виконтом.

Гауэйн был богаче Бекуита. И красивее. Если только Эдит не предпочитает худых, как щепка, мужчин. Да и нельзя сказать, чтобы она смотрела на него с желанием во взоре.

Но конечно, никто не захочет иметь откровенно сладострастную жену. Его дед встретил бабку на званом обеде и сразу понял, что та станет следующей герцогиней, хотя в то время ей было только пятнадцать, и для своего возраста она отличалась застенчивостью. Кому придет в голову пожелать, чтобы будущая или настоящая герцогиня искала внимания чужих мужчин?

Гауэйн решил вернуться на следующее утро с визитом. Такова была часть ритуалов ухаживания в Англии. Повезти ее на прогулку, а потом попросить у отца руки дочери.

Как только он все решил, отвел в сторону графа и затронул тему фунтовых банкнот. Закончив дело, Гауэйн сказал:

– Я заеду завтра нанести визит вашей дочери, прежде чем ехать в Брайтон, и обсудить наши выводы с «Помфриз-банк».

В глазах графа Стантон увидел одобрение. Очевидно, тот пригласил герцога на этот бал по причинам, не имевшим ничего общего с тем, обеспечит ли правительство банкноты золотыми соверенами или нет.

В эту ночь Гауэйн больше ни с кем не танцевал. Не имел желания, и уж точно не хотел стоять у стены и наблюдать, как Эдит танцует с другими. При этой мысли зубы сжимались сами собой.

Ревность была причиной краха многих его соотечественников, поскольку являлась обратной и темной стороной их величайшей добродетели – преданности. Шотландец верен до самой смерти. В отличие от ветреных английских мужей он никогда не отвернется от избранной жены в поиске других постелей.

Все же Гауэйн знал, что он чертовский собственник, ставящий преданность выше всех других качеств. Ревность сожрет его заживо, если он станет наблюдать, как Эдит переходит от одного мужчины к другому, прежде чем на ее пальце появится кольцо, которое возвестит всему миру, что она принадлежит ему.

Хотя метка Стантона на ее сердце – это куда лучше.

К тому же будет ненужной тратой времени стоять и втайне рычать на поклонников Эдит, а Гауэйн был не из тех, кто тратит время.

Вместо этого он отправился домой и написал лондонскому поверенному Дживзу письмо, в котором объяснял, что намерен в ближайшем будущем жениться, и приказывал составить брачный контракт. Возможно, бедняге Дживзу так и не удастся поспать этой ночью. Гауэйн мысленно велел себе не забыть послать ему вознаграждение.

Стантон поднялся на рассвете и провел за работой несколько часов. После сна его решение насчет леди Эдит не изменилось. Впрочем, он не помнил случая, когда менял свои решения.

Когда прибыл осунувшийся и бледный Дживз, Гауэйн стал сосредоточенно расспрашивать о пунктах брачного контракта. Он вместе с поверенным составил документ, хотя поверенный нервно заявил, что считает закрепленное за будущей женой имущество слишком щедрым.

– Леди Эдит будет моей герцогиней, – напомнил герцог. – Станет моей лучшей половиной. Зачем мне скупиться на то, что она унаследует после моей смерти, или на то, чем будет наслаждаться при моей жизни? Мы, шотландцы, не обращаемся с нашими женщинами так неуважительно, как делаете вы, в этой стране. Даже если у нас родится всего одна дочь, она унаследует все мои владения.

Должно быть, Гауэйн был готов ощериться. Потому что Дживз громко сглотнул и закивал.

К этому времени Стантон уже опаздывал, черт побери! Через два часа он должен быть в экипаже, выезжающем из Лондона, поскольку в Брайтоне будет ждать куча банкиров.

Приказав своим слугам следовать в другом экипаже, он велел кучеру направиться в дом на Керзон-стрит. Дворецкий Гилкрестов взял у посетителя плащ, сообщил, что графиня и леди Эдит вскоре выйдут к гостям, и открыл дверь в большую роскошную гостиную, которая в настоящее время походила на клуб джентльменов. Мужчины были повсюду, в окружении бутоньерок и букетов, все весело пересмеивались. Каким бы невероятным это ни казалось, но в углу играли в пикет.

Гауэйн был знаком примерно с половиной присутствующих. Тут присутствовал и Бекуит в кричащем оранжевом камзоле с аляповатыми пуговицами. Неподалеку сидел лорд Пимроуз-Финсбери, сжимавший изящный букетик фиалок.

Гауэйн досадливо поморщился: ему в голову не пришло послать кого-то на Ковент-Гарден, купить розы или что-то в этом роде.

– Если соизволите присоединиться к утренним визитерам, ваша светлость, – сказал дворецкий, – я немедленно подам напитки.

Но Стантон повернулся и направился к выходу.

– Возможно, ваша светлость предпочтет оставить карточку? – осведомился дворецкий.

– Я бы предпочел поговорить с лордом Гилкристом. Когда был дебют леди Эдит? – напрямик спросил он.

Брови дворецкого дернулись, но он сдержался.

– Прошлой ночью. Прошлой ночью случилось ее первое появление в обществе.

Очевидно, Гауэйн был не единственным, кто с первого же взгляда возжелал обладать Эдит. Но теперь он точно знал, почему Гилкрест пригласил его на бал. Таким образом, граф предлагал ему руку дочери. Если Стантон примет это безмолвное предложение, других соперников у него не будет.

– Я хотел бы поговорить с его милостью, если он свободен.

Он не просил. Гауэйн никогда никого не просил – он объявлял. Разницы никакой не было, потому что он всегда получал желаемое. И в «просьбах» было нечто недостойное.

Герцоги, по его мнению, не просили – только утверждали.

И у него было такое чувство, что просить руки леди Эдит тоже не придется.

## Глава 2

Как ни странно, именно лихорадка превратила леди Эдит Гилкрист в величайший успех сезона, что позволило ей заполучить руку (и предположительно, сердце) самого герцога Кинросса. Не будь Эди так ужасно больна в вечер дебютного бала, возможно, не оказалась бы его королевой. Но поскольку голова была, как пустой котел, все, на что она была способна, – бродить по залу и улыбаться.

К середине бала она успела потанцевать с каждым завидным женихом на брачном рынке и дважды с герцогом Кинроссом, лордом Бекуитом и лордом Менделсоном. В этот момент Лила, ее мачеха, поймала девушку за руку и шепнула, что леди Гарси объявила ее самой очаровательной дебютанткой сезона. Очевидно, королева патронесс «Олмак» не обратила внимания на тот факт, что в свои девятнадцать Эди считалась безнадежно старой.

Наутро, к тому времени как Эдит появилась в отцовской библиотеке, щеки ее были блее платья, но переговоры касательно ее будущего уже завершились.

Она держала глаза опущенными (чтобы скрыть тот факт, что они налиты кровью), улыбалась, когда к ней обращались, и сказала только:

– Конечно, отец.

И еще:

– Для меня большая честь стать вашей женой, ваша светлость.

– Говоря по правде, Эди, – провозгласила Лила через пять минут после ухода Кинросса, когда уводила падчерицу в спальню, – твоя лихорадка была послана крестной матерью-феей, о которой забыл упомянуть твой отец. Кто бы подумал, что ты поймал герцога?!

Этот герцог был шотландцем, что несколько снижало ценность титула, но если верить Лиле, тот факт, что Кинросс владел самым огромным поместьем во всей Шотландии, делал его почетным англичанином и самым желанным женихом на брачном рынке.

Эди только застонала и упала на кровать лицом вниз. Голова раскалывалась, она была очень слаба и не вполне уверена, что запомнила лицо жениха. У него прекрасный голос, но он чересчур высок. Огромный. Но по крайней мере хоть не рыжий. Она терпеть не могла рыжих мужчин.

– Это не слишком добросердечно с твоей стороны, – пробормотала она в подушку.

– Ты знаешь, о чем я. Выглядела такой прелестной и бледной. И Мэри очень удачно придумала вплести в твои волосы жемчужные нити. И ты просто улыбалась, вместо того чтобы болтать. Это так привлекательно, во всяком случае для мужчин.

– Не считаешь, что он немного импульсивен? – промямлила Эди.

Лила раздвинула шторы и открыла окно. Эди любила свою спальню, большую и светлую, с окном, выходившим на задний сад. Но терпеть не могла, когда Лила садилась на подоконник, чтобы выкурить манильскую сигару.

– Не смей курить здесь эту вонючую гадость! – поспешно предупредила Эди. – Ненавижу этот запах! И я больна!

Даже лежа лицом вниз, она прекрасно сознавала, что Лила не обращает на нее внимания. Эди слышала, как она устраивается на своем любимом сиденье и зажигает сигару от свечи. Так она могла выдыхать дым в сад. Она ошибочно считала, что таким образом он не попадает в комнату.

– Меня может вырвать, – предупредила Эди, кладя щеку на прохладный островок подушки.

– Не вырвет, – отмахнулась Лила. – У тебя лихорадка. Не расстройство желудка.

Эди сдалась.

– Мой будущий муж либо довольно импульсивен, либо глуп. Я познакомилась с ним только вчера вечером и почти не помню, как он выглядит.

– Не импульсивный, а властный, – поправила Лила. – Решительный.

– Идиот.

– Ты прекрасна, Эди. И знаешь это. Ради всего святого, все общество это знает. Он, возможно, слышал о тебе задолго до вчерашнего вечера. Все говорят об Изысканной Эдит, которая, наконец, вышла в свет.

– Не забудь о моем Восхитительном Приданом, – кисло пробормотала Эди. – Это куда важнее, чем форма моего носа.

– Ему твое приданое ни к чему. Ты, видно, понятия не имеешь, сколько молодых леди пытались заполучить герцога. Он когда-то был помолвлен с девушкой из шотландской семьи... Кейпоны? Партриджи... не помню, что-то, связанное с названием дичи. Она умерла год назад, и с тех пор никому не удавалось его соблазнить. Конечно, несколько месяцев он носил траур.

– Как печально! Наверное, его сердце разбито.

– Судя по тому, что я слышала, они были помолвлены еще с колыбели или что-то в этом роде. И никто, включая герцога, не знал ее достаточно хорошо.

– Все равно я считаю, что это так грустно...

– Не будь столь мягкосердечной. Герцог, очевидно, позабыл об этом с той минуты, как вошел в бальный зал. Теперь его сердце принадлежит тебе.

Лила помедлила, почти наверняка для того, чтобы выдуть в окно кольцо дыма.

– Это довольно романтично, не думаешь?

– Герцог действительно признался в своих чувствах? Потому что мне он влюбленным не показался, хотя перед глазами все так плыло, что трудно сказать наверняка.

– У него на лице все было написано.

– Хорошо бы это оказалось правдой, поскольку во время танцев мы и словом не перемолвились.

Эди заерзала, пытаясь охладить горящую щеку об очередной участок подушки.

– Не размахивая сигарой! Дым идет в комнату.

– Прости.

Последовала секунда молчания, пока Эди размышляла, что хуже: умереть от инфлюэнцы или выйти за человека, чье лицо она не успела ясно разглядеть.

– Как он выглядит? – спросила Эди. – И позвони, чтобы пришла Мэри. Голова просто разрывается от боли.

– Я сделаю тебе холодный компресс.

– Нет, не смей отходить от окна, пока не докурила эту мерзкую штуку.

– В таком случае как, спрашивается, я должна позвать Мэри?

Даже лежа лицом вниз, Эди могла сказать, что Лила остается на подоконнике.

– У тебя нет настоящих материнских инстинктов, – пожаловалась она.

– Совершенно верно, – сухо заключила Лила. – Что к лучшему, учитывая обстоятельства.

После смерти матери Эди лорд Гилкрест много лет не женился, пока в тридцать шесть не потерял голову и не влюбился в Лилу. Эди не слишком жаловала мачеху, так и излучавшую чувственность, что и не нравилось тринадцатилетней девочке. Ей был отвратителен тот факт, что отец женился на двадцатилетней девице, чьи алые губы и точеная фигура казались Эди вызывающими.

Но года два спустя она однажды наткнулась на плачущую Лилу и узнала, как мучительно сознание того, что она не способна дать мужу наследника. За последующие годы они

стали настоящими подругами. Увы, детей у Лилы так и не было, и позже она стала курить и вести себя несколько развязно.

– Мне не стоило этого говорить. Прости, – сказала Эди.

– Все в порядке. Возможно, из меня в любом случае вышла бы кошмарная мать.

– Вовсе нет. Ты милая и веселая, и если выбросишь сигару и сделаешь мне холодный компресс, я буду любить тебя вечно.

Лила вздохнула.

– Ты ее потушила?

– Да.

Минуту спустя она коснулась плеча Эди:

– Тебе придется повернуться на спину, чтобы я могла положить компресс.

Эди немедленно послушалась.

– Вчера вечером ты тоже восхитительно выглядела, Лила.

Прищурившись, она оглядела мачеху. Та вечно ограничивала себя в еде, но Эди считала, что ее фигура и так прекрасна.

– Спасибо, дорогая, – улыбнулась Лила. – Хочешь, я позвоню Мэри. Пусть поможет тебе переодеться и лечь под одеяло.

– Нет. Я слишком устала.

Лила есть Лила – и отсутствие материнского инстинкта сказывалось: она не стала настаивать, а просто положила влажную тряпку на лоб Эди и отошла.

– Собираешься снова курить?

– Нет. Я сижу перед твоим камином, как примерная мачеха. Может, мне нужно научиться вязать для пушного эффекта? Я не слишком уверена, что твой муж оценит мои эксцентричные качества. Я должна развивать в себе другие, более респектабельные, чтобы мне было позволено тебя навещать.

– Почему ты так говоришь? Он такой истукан?

– Я знаю его не лучше, чем ты.

– Но ты, по крайней мере, смогла рассмотреть его явно лучше меня.

– Возможно, он немного педант. Но если вспомнить твоего отца, ничего страшного. Ты к такому давно привыкла.

Струйка воды потекла по шее Эди. Но ей было так жарко, что это даже показалось приятным.

– Я надеялась избежать брака с человеком, похожим на отца.

– Твой отец не так уж плох.

– Ужасен! Его постоянно нет дома, и он почти никуда тебя не вывозит. Я знаю, что когда вы остаетесь наедине, у вас все по-другому. Но за ужином он только и делает, что читает мне нотации. Что абсолютно несправедливо, если учесть, что я никогда не давала ему ни малейшего повода для беспокойства. Ему следовало быть более благодарным. Твоя мать во время нашей последней встречи рассказала мне о Джульетт Фолсбери, которая сбежала с лакеем.

Лила ехидно усмехнулась.

– Моя мать обожает эту историю. В основном потому, что лакея прозвали Лонгфелло. Знаешь, Эди, тебе следовало бы проявить характер. Совершенно неестественно с радостным видом соглашаться выйти замуж за абсолютно незнакомого человека.

– У меня не радостный вид, – возразила Эди.

– Но ты и не протестуешь. Боюсь, ты позволишь своему мужу командовать собой даже в мелочах, и он станет чудовищным диктатором.

Эди показалось, что в голосе Лилы звучали предостерегающие нотки, но она была слишком больна, чтобы разбираться в проблеме, если таковая заключалась не только в диктаторских замашках отца.

– Возможно, я сбегу. Переоденусь мужчиной и поступлю в оркестр. Только вообрази, Лиля. Некоторым людям нечего делать, кроме как весь день играть прекрасные мелодии. А по вечерам они снова играют, но только в присутствии публики.

В голове промелькнуло несколько нот из прелюдии к первой сюите Баха соль-мажор для виолончели. Лихорадка заставила арпеджио переливаться в мозгу, как масло на воде.

– Я считаю, что ты не должна покоряться ему, Эди. С мужчинами жить нелегко.

– Отец никогда не отказывал мне в том, чего я хотела по-настоящему.

– Да, он позволил тебе оставаться дома и играть на виолончели, хотя по возрасту ты должна была давно блистать в обществе.

Ноты снова прокрались в голову Эди, словно манили подумать о прерванных аккордах прелюдии Баха. Должно быть, это легко сыграть, как обычное упражнение. И все же...

Но тут музыку прервал голос мачехи:

– Беда в том, что твой отец боится тебя отпускать. Кто будет играть с ним дуэты? Кто станет бесконечно говорить о музыке? Пожалела бы хоть меня! Я совершенно равнодушна к виолончели. Нет, я всегда готова ее послушать, но нахожу ужасно скучными разговоры об этом инструменте. Но теперь мне всю жизнь придется выслушивать твоего отца, рассуждающего о смычках и тональностях.

– Виолончель – единственное, что есть общего у меня с отцом. Не помню, чтобы говорила с ним на другие темы. А теперь я выйду замуж за того, кто, скорее всего, ничего не понимает в музыке.

На самом деле, если бы не лихорадка, Эди почувствовала бы праведное негодование. Но она уже так жалела себя, что не было возможности стонать и сожалеть о замужестве с филистером.

– Мои глаза, точно вареные яйца, – добавила она.

– Прости, дорогая. Хочешь, чтобы я послала за доктором?

– Нет. Он даст мне опиум, который не поможет. Лихорадку наркотиком не излечишь.

– Я люблю опиум, – призналась Лиля. – Правда, принимала всего однажды, но никогда не забуду ощущений. Я будто летала и чувствовала такую свободу, словно у меня не было никаких забот в этом мире.

– Тебе ни за что нельзя его больше принимать. Вдруг привыкнешь, как миссис Фицхью? «Беллс мессенджер» утверждает, что она вчера свалилась прямо в бальном зале и мужу пришлось выносить ее.

– Веская причина избегать опиума. Вряд ли твой отец может поднять меня с пола, не пошатнувшись.

– Не намочишь тряпку еще раз?

Лиля так и сделала, пока Эдит размышляла о будущем замужестве.

– Кинросс как-то объяснил свое поспешное предложение?

– Все потому, что он влюбился в тебя, – выпалила Лиля, положив компресс на лоб Эди. – Стоило ему увидеть твои золотистые пряди, не говоря уже обо всем остальном, не менее соблазнительном, как он решил опередить всех соперников.

Но в голосе мачехи Эдит услышала нечто такое...

– Правду, Лиля.

– Насколько я поняла, у него были важные дела. Он уехал в Брайтон сразу после того, как поговорил с твоим отцом.

– Важные дела, – повторила Эди. – Какие именно?

– Проблемы с фунтовой банкнотой. Не стоит ломать над этим голову, дорогая, – посоветовала Лила. Эди услышала, как она открывает маленькую оловянную коробку, в которой хранила сигары.

– Что именно он сказал?

– О, пожалуйста, давай поговорим о чем-нибудь поинтереснее! У Кинросса одно из самых больших поместий в Шотландии. Представь только, Эди! Он прибыл в двух экипажах с восемью ливрейными грумами. Я сама видела в окно. Будешь жить, как королева! Твой отец говорит, что у него целый замок.

– Замок? – Эди кое-как удалось переварить эту новость. – Но неужели он не нашел времени хотя бы отвезти меня на прогулку, прежде чем делать хозяйкой этого замка? Неужели не мог подождать, пока мы не пообедаем вместе? Что, если я чавкаю или обгладываю куриные кости? Как полагаешь, дома у него полно незаконных детей?

– Сомневаюсь. И что важнее всего, поскольку его родители умерли, тебе не придется иметь дело со свирепой шотландской мамашей.

– В таком случае, что может быть важнее ухода за будущей женой?

– Ты должна смотреть на это с мужской точки зрения, Эди.

– Войди в роль мужчины и просвети меня.

Голос Лилы стал ниже и тише.

– «Я самая завидная партия на брачном рынке. После того как я выберу подходящую невесту, уведомлю отца молодой леди о его невероятном везении».

– Это не так уж нелогично.

– Твоему отцу очень нравится герцог.

– Это не рекомендация. Полагаешь, Кинросс до свадьбы вернется в Лондон?

– Из Брайтона он поедет на свадьбу графа Чаттериса, так что мы увидим его там.

– Одна из девушек Смайт-Смитов, не так ли? – простонала Эди.

– Гонория. Она прелестна. Знаю, что ты считаешь ее плохим музыкантом.

– Не то слово. Она кошмарна.

– Вполне возможно. Но она чрезвычайно мила.

– Терпеть не могу приемов. Так я никогда не найду времени для упражнений.

– Твой отец заявил, что ожидает от тебя поведения, достойного истинной леди, особенно теперь, когда твой дебют состоялся. Это означает, что если ты не дома, то вряд ли сможешь упражняться.

Эди издала грубый звук. Вчера она не смогла играть на виолончели из-за лихорадки. А ведь пришлось еще готовиться к балу. Она редко практиковалась менее пяти часов в день и не собиралась изменять своим привычкам.

– А что, если мой брак закончится, как твой?

– В моем браке нет ничего плохого, – отрезала Лила, выдувая в окно кольцо дыма.

– Вы спите в отдельных комнатах.

– В высшем свете все спят в отдельных комнатах.

– Но когда вы только поженились, этого не было, – не унималась Эди. – Я часто видела, как отец тебя целовал, а однажды – как поднял тебя, перекинул через плечо и буквально взбежал по лестнице.

Последовало молчание.

– Ты не должна была этого видеть.

– Но почему? Я плохо обращалась с тобой, но в душе была рада видеть отца таким счастливым. Почти хмельным от счастья.

– Вот тебе и брак. В одну минуту пьян от счастья. В другую – равнодушен, – заметила Лила.

– Не могу представить Кинросса пьяным от счастья. А ты?

– Могла бы ты представить отца пьяным от счастья, если бы не видела доказательства собственными глазами?

– Нет.

– Временное помешательство, – грустно вымолвила Лила. – Джонас пришел в себя и понял, что я легкомысленная дурочка. Вот и все.

– Но ты не легкомысленная дурочка.

– Только прошлой ночью я слышала это из надежного источника.

– Отец так сказал?

Эди сняла тряпку со лба, привстала и мутными глазами уставилась на мачеху. Голова ужасно болела, но все же она смогла рассмотреть несчастное лицо Лилы.

Та затушила сигару и вернула розовый мундштук в оловянную коробочку.

– Я позвоню Мэри, пусть поможет тебе снять корсет и лечь под одеяло. Хочешь прохладную ванну?

– Да. Но ты очень расстроена, Лила?

– Всего лишь приступ меланхолии, – ответила та, садясь на край кровати. – Мне не по себе при мысли о том, что скоро придется расстаться с тобой. Позволь потрогать лоб.

– Теперь, когда я почти замужняя женщина, расскажешь, куда отец ходит по ночам? Я имею в виду, есть ли у него любовница?

– Я не спрашивала.

Лила прикусила губу, прежде чем признаться:

– Не хочу знать. Господи, да ты вся горишь. Нужно тебя немного охладить. – Она дернула за шнур сонетки.

Мысли Эди по-прежнему разбегались. Она не была способна ни на чем сосредоточиться.

– Как выглядит Кинросс? Вблизи, я имею в виду.

– Свирепо-мужественным. Красив чисто мужской красотой. Плечи широкие, как у лошади-тяжеловеса, мускулистые бедра. Хотелось бы взглянуть на него в килте. Как полагаешь, он наденет килт на свою свадьбу?

– По-твоему, у него есть чувство юмора?

Тут Эди затаила дыхание, потому что, по ее мнению, это было самым главным качеством в человеке.

Молчание.

– О нет, – простонала она.

– Но то было официальным событием, – напомнила Лила. – Вряд ли я могла отпустить шуточку насчет валлийца и ждать его реакции.

– Я должна выйти за импульсивного шотландца размерами с чертово дерево, да еще и без чувства юмора.

Лила пожала плечами:

– Тебе придется прекратить ругаться, по крайней мере в его присутствии, дорогая.

– Почему?

– Он кажется слишком правильным.

– Я выхожу за своего чертова папашу! – взывала Эди.

– Считай, теперь нас двое.

## Глава 3

*По пути в отель «Нью Стайн»*

*Брайтон*

Именно в тот момент, когда нареченная охарактеризовала его как человека импульсивного, Гауэйн то же самое твердил себе. Он в жизни никогда не делал чего-то столь легкомысленного. Никогда.

Мало того, Гауэйн вообще не мог припомнить, когда поддавался каким-либо порывам, не говоря уже о том, чтобы очертя голову ринуться в самое важное предприятие своей жизни и сделать столь дорогое приобретение, не проведя перед этим подробного расследования.

Говоря по правде, он никогда ничего не покупал сам. Для этого у него были специальные люди. Он не любил ходить по магазинам. Единственное, что он покупал сам – это лошади.

Но – и эта мысль приободряла – большинство лошадей он покупал без лишнего шума. Видел подходящую кобылу и сразу понимал, что она займет достойное место в его программе разведения лошадей.

Конечно, некрасиво думать подобным образом о будущей жене, но это правда. Стоило Гауэйну взглянуть на леди Эдит, как он сразу понял, что хочет ее. И детей от нее.

Идея уложить ее в постель была крайне приятной. Несмотря на скромность манер и поведения, ее тело оказалось восхитительно соблазнительным. Другие молодые леди выглядели скелетами, обернутыми одним-двумя ярдами ткани. Десятки скелетов с буклями, отскакивавшими от острых краев их костлявых плеч.

«Не слишком добрая мысль», – напомнил он себе. Гауэйн часто упрекал себя за то, что подобные описания, хоть и безмолвные, но излишне критические.

Но он не мог найти ни единого отрицательного качества в леди Эдит, если не считать ее имени. Кому оно может понравиться?! Она ангел. Не Эдит.

Первую невесту звали Розалин, что звучало весьма романтически. Их обручили в детстве. Но на деле они встретились только раз: когда ей было шестнадцать, а ему – девятнадцать. После этой встречи они стали ждать, пока Розалин исполнится восемнадцать, только она умерла за несколько дней до своего дня рождения. Так что вряд ли их союз можно было назвать романтическим.

– Ваша светлость?

Агент Стантона Бардолф с раздраженным видом сидел на противоположном сиденье экипажа. Бардолф был агентом отца Гауэйна и перешел к последнему так же естественно, как вино в подвалах, если не считать того, что в отличие от вина Бардолф с годами не улучшался. И борода у него очень напоминала козлиную. Козлоподобную. Козло...

Гауэйн заставил себя вернуться к теме разговора.

– Да?

– Старший судебный пристав и начальник шахты никак не могут прийти к соглашению относительно того, что шлам, спускаемый при разработках оловянного рудника Карри, губит рыбу в реке Глашхорри, – сообщил Бардолф с тем преувеличенным терпением, которое выказывают люди, понявшие, что первый их вопрос проигнорировали.

– Остановите разработки, – приказал Гауэйн. – Пока шахта не сумеет контролировать стоки, придется закрыться. От рыбы в этой реке зависят шесть деревень.

Бардолф записал все это в книгу, а Гауэйн продолжал размышлять.

Гилкрист предложил устроить свадьбу через пять месяцев, с чем Гауэйн согласился. Он не спешил начать супружескую жизнь. Вполне можно ожидать, что все попытки угодить жене связаны с суетой определенного рода. А он не любил суеты.

Но потом он подумал о сливочной коже леди Эдит. Нет, «сливочная» – слово неподходящее. Он никогда раньше не видел столь белой кожи. Как лучший пергамент. И решил, что озеро темнее ее глаз, цвет которых был, скорее, похож на можжевеловые иглы.

При этой мысли он ощутил гордость обладателя. Она скоро будет принадлежать ему: мечтательные глаза, белая кожа, розовые губки и все...

Гауэйн сторговался с ее отцом, и размер доли имущества невесты в брачном контракте заставил бы Бардолфа потерять сознание.

Он отдал Гилкристу все, что тот потребовал. Когда желаешь получить жену, не стоит торговаться. Это было бы дурным тоном.

Бардолф снова поднял голову:

– Ваша светлость, не хотели бы вы обсудить условия контракта с мистером Стикни-Эллисом относительно моста, который предстоит построить через Глашхорри? У меня только условия, продиктованные строителями.

Гауэйн кивнул и поудобнее устроился на сиденье. Больше никаких мыслей о леди Эдит: это губительно для дела, и, следовательно, совершенно неприемлемо. Собственно говоря, как только он привезет ее в замок, сделает все, чтобы она больше не отвлекала его.

Он не был до конца уверен, чем занималась его бабушка с утра до вечера – какая-то женская работа: что-то, связанное с бельем, больными, арендаторами... Гилкрест наверняка позаботился о том, чтобы девушку всему обучили. Он немножко сух и неприветлив, этот Гилкрест, но человек порядочный.

Но тут в мысли снова ворвался голос Бардолфа. Гауэйн поднял руку:

– Я предпочитаю, чтобы пролетов было три, а не два.

Бардолф сделал пометку и продолжал монотонно читать. Гауэйн откашлялся.

– Да, ваша светлость?

– Завтра утром в «Морнинг пост» появится объявление о моей помолвке. Дживз заканчивает оформлять соглашения, на которых остановились обе стороны.

У Бардолфа широко открылся рот:

– Ваша светлость, вы...

– Я помолвлен с леди Эдит Гилкрест. Лорд Гилкрест предложил послать объявления в газеты.

Бардолф наклонил голову.

– Могу я предложить мои искренние поздравления, ваша светлость?

Гауэйн кивнул.

– Граф предложил, чтобы свадьба состоялась через пять месяцев. Ожидаю, что вы позаботитесь о всех приготовлениях. Свяжитесь с представителем лорда Гилкреста.

Агент снова кивнул.

– Да, разумеется, ваша светлость.

– Необходимо закончить реконструкцию ватерклозета между моей спальней и комнатой будущей герцогини.

– Конечно, – сказал Бардолф, вытаскивая переплетенный в кожу том. – Далее, я хотел бы обсудить программу разведения лошадей на ферме Дорби. И даже привез с собой книгу со списком племенных кобыл. – Он принялся читать вслух.

Гауэйн втайне изумлялся, насколько сложно ему сосредоточиться. Возможно, дело в новизне ощущений. Вполне естественно, что подобный опыт может отвлечь внимание.

Но удивительнее всего было чувство глубочайшего удовлетворения. Оно проходило через все мысли, как сознание надвигающейся грозы, оставлявшее свою метку. Теперь Эдит принадлежит ему. Он привезет домой эту необычайно прелестную женщину.

Гауэйн не доставало этого спокойного тепла, а он даже не подозревал об этом. И чувствовал нечто большее и более значительное, чем желание, хотя не был уверен, что это такое. Возможно, алчность. Удовлетворение. Но все это явно не то.

Бардолф откашлялся.

— Да?

— Как я сказал...

## Глава 4

Прошло еще два дня, прежде чем Эди почувствовала себя настолько хорошо, чтобы вылезти из постели. Лила все-таки настояла на визите доктора, но тот просто подтвердил все, что уже подсказывал здравый смысл Эди: ей следует оставаться в постели и в темноте. И ни в коем случае не играть на виолончели.

– Отец справлялся, как я себя чувствую? – спросила она в то утро, когда смогла позавтракать вместе с Лилой в ее комнате. На Лиле был пеньюар, тонувший в каскаде шелковых воланов, в котором она выглядела соблазнительной, как персиковый торт.

– Ни разу, – ответила Лила, выбирая очередную виноградину со всей серьезностью дамы, покупающей кольцо с бриллиантом.

Эди села напротив, взяла три ломтика сыра и сунула в рот.

– Животное, – бросила она без особого запала. – Его единственное дитя могло умереть от инфлюэнцы, а он и не заметил бы моей кончины.

– Заметил бы, – уверила Лила, снова изучая виноград. – Вот если я отправлюсь на тот свет, он не заметит, но если ему будет не с кем играть на виолончели, возможно, это произведет неизгладимое впечатление.

– Да съешь уже хоть немного! – не выдержала Эди, и взяв пригоршню виноградин, уронила на колени Лилы.

Эди ничем не могла помочь Лиле в ее несчастном браке, но вся эта ситуация заставляла задуматься о собственном будущем. Когда она вернулась в комнату и легла в горячую ванну, моментально погрузилась в размышления.

Эдит помолвлена с герцогом, лица которого не различит в толпе. Но даже этот факт не особенно ее беспокоил.

С пяти лет ей вдалбливали в голову, что тридцать тысяч фунтов приданого и голубая кровь – залог замужества по сговору родителей с целью производить на свет детей и умножать богатство какого-то отпрыска знатного рода. Она никогда не считала супружескую жизнь чем-то большим, чем содружество, будем надеяться, понимающих друг друга людей.

Однако Эдит определенно не хотела переживать драму, сопровождавшую брак отца и Лилы. Оставалось лишь надеяться, что мужчина с очаровательным шотландским выговором окажется таким же здравомыслящим, как она сама.

Но несмотря на ее раздражение из-за столь поспешного предложения без традиционного ухаживания, Эди считала, что это очко в пользу Кинросса, поскольку в его решении ничто не было связано с ее личностью. Вполне вероятно, что он решил жениться на ней еще до бала и танцевал с Эди просто для того, чтобы убедиться, что у нее нет горба или деревянной ноги.

Эди опустила пониже, так что вода дошла до подбородка. Она нашла это объяснение столь поспешно сделанного предложения весьма ободряющим. Импульсивный человек ей ни к чему. Она предпочитала думать, что Кинросс принял обоснованное решение.

Она НИКОГДА не хотела столкнуться с эмоциональной бурей, окружавшей ее отца и Лилу. Никогда.

Ее мачеха имела несчастье влюбиться, возможно потому, что граф ухаживал за ней с таким неожиданным для него пылом. Если бы Лиле было все равно, она не флиртовала бы с другими мужчинами, чтобы привлечь внимание графа. И если бы он не любил ее так, то и не злился бы на ее поведение. Но Эди и Кинросс наверняка избегают этого порочного круга, установив несколько основных правил семейной жизни.

Но зачем ждать следующей встречи? Возможно, совсем неплохо выразить свои мысли на бумаге.

Чем больше Эдит думала об этом, тем больше ей нравилась идея обмена письмами. Она напишет нареченному и изложит все, что считает признаками успешного брака. Он сейчас в Брайтоне? Прекрасно! Она пошлет туда груга с письмом. У посланца уйдет на поездку всего день, если сесть в почтовый дилижанс. Герцога, который путешествует с двумя экипажами и восемью лакеями, найти будет нетрудно.

Накинув халат, она подождала ухода горничной, прежде чем сесть за письменный стол. Нужно изложить свои требования как можно тактичнее. И первое – взаимное уважение. И много времени наедине: ей не нужен муж, который постоянно ходит по пятам и мешает игре на виолончели.

Самый деликатный предмет – любовницы. Насколько она поняла, у джентльменов они обычно бывают. У Эдит нет сильных возражений: вряд ли обеты между чужими людьми, мотивированные властью и деньгами, могут быть священны и нерушимы. С другой стороны, она не хотела, чтобы муж обращался с ней с учтивым пренебрежением, как отец с Лилой, отсутствовал по ночам и так далее. И она определенно не желала заполучить болезнь от женщины, находящейся на службе у мужа, если это правильное обозначение подобного соглашения.

Эди вынула лист бумаги и помедлила. Стоит ли указать, что подобная болезнь может стать основанием для разрыва помолвки? Но отец наверняка уже задал подобный вопрос. Она сделала мысленную заметку проверить это и за час написала две страницы. Перечитала и нашла содержание вполне удовлетворительным.

Письмо было почтительным, но искренним. По мнению Эдит, честность была важнее всего в отношениях мужа и жены. Если бы только отец сказал Лиле, что отчаянно любит ее и его ранит ее флирт с мужчинами... И если бы только Лиля сказала отцу, что изголодалась по его любви и ужасно опечалена из-за невозможности выносить ребенка...

Что ж, зато у Эдит с шотландцем будет настоящий союз вместо бесконечных битв, скрепленных обручальным кольцом.

Она позвонила в колокольчик и отдала послание дворецкому Вилликинсу с приказом немедленно доставить его в Брайтон.

К следующему утру за завтраком оказалось, что отношения между отцом и Лилой еще более ухудшились.

– Он и прошлой ночью не пришел к тебе? – спросила Эди, поняв, что мачеха плачет.

Слеза скатилась по щеке Лилы, и она яростно ее смахнула.

– Он женился на мне только потому, что я была молода и, возможно, плодovита. А теперь, когда выяснилось, что я бесплодна, он не видит причин оставаться со мной!

– Это совершенная чушь! Он никогда не стремился иметь сына-наследника и любит моего кузена Магнуса.

Эди протянула ей носовой платок.

– Ошибаешься. Он ненавидит меня, потому что я не родила ему ребенка.

– Ничего подобного, Лиля. Он вовсе не ненавидит тебя.

– И он решил, что я изменила ему с лордом Грифисом.

– Грифисом? Что это взбрело отцу в голову? Впрочем, Грифис смазлив, и я понимаю, почему его лицо может вызвать ревность.

– Мне все равно, насколько он смазлив! Я не нарушала брачных обетов! – пробормотала Лиля прерывающимся голосом. – Я всего лишь позволила Грифису два-три раза ответить меня к ужину, когда твой отец не сопровождал меня на бал. Я понятия не имела, что люди сплетничают!

– Думаю, папа ревнует, потому что Грифис твой ровесник. Как неприятно думать, что кто-то сплел такую ужасную ложь!

– Джонас поверил злым языкам, даже не расспросив меня. А теперь он... он не хочет иметь со мной ничего общего и говорит, что мне следует ехать в деревню и попросить любовника сопровождать меня. Но у меня НЕТ любовника!.. – Фраза оборвалась на громком всхлипе. – Он твердит, что мне следовало быть благоразумнее.

– Это абсурд, и я так ему и скажу.

Лиля схватила ее за руку.

– Не нужно! Так нехорошо! Ты его дочь!

Эди нахмурилась:

– Но кто еще способен наставить его на путь истинный? Это следствие наших отношений. Как в «Гамлете». Моя гувернантка много лет пыталась вбить мне в голову эту пьесу. Правда, осталось не слишком много, но я помню, как Гамлет стонал: «Наш век расстроен: О, несчастный жребий! Почто же я рожден его исправить?» Ну или что-то в этом роде.

– Джонас ужасно оскорбится, если ты упомянешь об этом, – пробормотала Лиликая. – Кроме того, он тебе не поверит. Не больше, чем мне.

Эди встала, уселась рядом с мачехой и обняла Лилу за плечи.

– О милая, он такой глупец. И любит тебя, я это знаю.

– Не любит. Вчера ночью я застала его в передней, и он сказал, что жалеет, что женился на такой гусыне, как я Думаю, он нашел себе другую, – сказала Лили. Голос ее снова дрогнул: – Я просто уверена, потому что он вышел и не вернулся.

Когда Лили, наконец, перестала плакать, Эди объявила:

– погоди минуту, дорогая. Я сейчас приду.

Она выбежала из комнаты и помчалась по коридору. Виолончель стояла в гостевой спальне, служившей Эди комнатой для упражнений. Она подняла инструмент и уже медленнее отнесла в комнату Лилы. Та свернулась в углу дивана, временами все еще всхлипывая. Эди села на стул с прямой спинкой и расправила юбки так, чтобы установить виолончель между ногами. Эта позиция была наилучшей для правой руки со смычком, но, конечно, так сидеть на публике было нельзя. Правда, Лилу нельзя было назвать публикой.

Эдит тщательно установила виолончель и коснулась смычком струн. После четырехдневного перерыва первые звуки прозвучали благословением. Она настроила инструмент и начала. В воздухе прозвенели две восьмушки и одна половинка.

– Это моя любимая? – сдавленно прохрипела Лили.

– Да, «Даруй нам мир».

Канон полился со струн как гилеадский бальзам, всегда величавый, всегда размеренный. Радость, сдержанная, но несказанная.

Может, все дело было в днях вынужденного отдыха, но пальцы Эди ни разу не споткнулись, смычок скользил по струнам под идеальным углом. А музыка заставляла сердце слушателя петь.

В конце игры она услышала глубокий вздох Лилы. Эди улыбнулась ей, снова наклонила голову и заиграла «Зиму» из «Времен года» Вивальди, над которой работала до болезни.

Когда Эдит почти закончила (и, будем честны, почти забыла о Лиле), дверь открылась. Эди подняла глаза – на пороге стоял отец.

Он смотрел на жену. Распущенные золотые волосы закрывали лицо Лилы. Но зажатый в руке платок говорил сам за себя.

Эди почти сочувствовала отцу. Он был высок, широкоплеч и красив и ненавидел слышать нечто подобное в свой адрес. Он любил думать о себе, как о человеке сильном, властном, а не простом смертном.

И в этом-то вся беда и заключалась. Главным для него была логика, но когда речь заходила о Лиле, он оказывался совершенно нелогичным.

– Хорошо сыграно, – заметил он, переводя взгляд на Эди. – Не идеально, поскольку последние такты отмечены как «аллегро». Ты слишком затянула.

Эди взглянула на Лилу, но единственной реакцией на голос мужа было свернуться еще туже.

– Могу я попросить оставить меня наедине с женой? – бросил он так же бесстрастно, каким оставалось его лицо. В этот момент он уставился на Эди, которая так высоко подняла платье, что виднелись колени. – Дочь!

– Отец!

Эдит выдвинула виолончель вперед и встала. Юбки снова упали до пола. Потом сунула смычок подмышку, подняла инструмент и повернулась к мачехе.

– Лила, дорогая, как только решишь удалиться в деревню и начать жизнь, полную нескончаемого разврата, скажи мне, я буду готова отправиться с тобой.

Отец прищурился, но она промаршировала мимо него и вышла в коридор. Полчаса спустя, после того как она потребовала и съела завтрак, – еще один завтрак, поскольку первый остался нетронутым, – началась работа над виолончельными сюитами Баха.

Раздражение не идет на пользу музыке. Эдит считала, что это не позволяет выразить замысел композитора. Ей приходилось начинать три-четыре раза, пока она, наконец, вложила в ноты все эмоции, которые, по ее мнению, обуревали Баха. Не свои собственные.

В какой-то момент Эдит прервалась, чтобы съесть ленч, принесенный горничной. К тому времени она работала над виолончельной сонатой Боккерини, оказавшейся такой сложной, что приходилось все время останавливаться и заглядывать в ноты.

К четверем правая рука ныла, но Эдит наполняло чувство глубокого удовлетворения.

Несмотря на слезы Лилы, день выдался прекрасным.

## Глава 5

Гауэйн, не веря глазам, смотрел на разложенные на столе страницы. Письмо было написано твердой рукой: чересчур твердой для женщины. Его бабушка, например, писала изящным почерком, украшенным завитушками. Но тут не было никаких завитушек. Как и вообще не было ничего женственного.

Собственно говоря...

Он прищурился. Трудно поверить, что это написано женщиной. Слишком прямое, слишком откровенное, слишком требовательное.

Не такого рода письмо, которое могло бы прийти от нежного цветка, с которым он танцевал. Не от леди, скромно опустившей глаза, когда ее отец объявил, что принял предложение герцога. Тогда в лице леди Эдит не было ни намек на несогласие или мятеж.

Гауэйн снова взял письмо. В принципе в нем не было ничего мятежного. Оно было...

Оно было похоже на некий договор. Контракт. Эдит использовала фразу «Я бы просила», когда явно имела в виду «Я требую».

«Я бы просила Вас не содержать любовниц и не участвовать в подобных развлечениях, пока мы не произведем на свет требуемое количество наследников (число которых будет определено по взаимному согласию) и не прекратим брачные отношения, что рано или поздно обязательно случится. Мне крайне не хотелось бы приобрести болезнь интимной природы».

Стантон уже прочитал этот абзац четыре раза, но все-таки перечитал снова. «Подобные развлечения? ...Любовница? ...Прекратить брачные отношения?..» Возможно, да, когда он умрет. Тот факт, что между ними пока не начались эти отношения, не означал, что он не питает к ним интереса. Скорее, наоборот.

У него даже имелся целый список того, что ему не терпелось попробовать на деле. Вместе с женой, которая, очевидно, вообразила, что будет ложиться с ним в постель по расписанию, причем крайне ограниченному.

«Поскольку я не питаю особого интереса к радостям плоти, то в этом отношении не дам Вам повода для беспокойства».

Она выражалась, как монахиня. Ладно, против этого заявления Гауэйн не возражал. Он вполне может соблазнить ее, пробудив интерес к радостям плоти. Или проведет всю жизнь, пытаясь сделать это.

Но ее следующее предложение было куда более обескураживающим:

«Предлагаю не думать о наследниках ближайшие три года. Хотя пять – было бы лучше. Мы оба молоды и не должны волноваться о возрасте как факторе воспроизведения себе подобных. Я не готова к этим тяготам. И откровенно говоря, у меня просто нет для этого времени».

Гауэйн долго смотрел на написанное. Эдит не хотела детей? Но что, черт возьми, она делает целыми днями, если у нее нет времени на детей? Он вполне готов иметь детей сейчас. Его сводной сестре Сюзанне пять лет, и ей не помешает иметь племянников.

Более того, и через пять лет работа по управлению поместьем не станет легче.

С другой стороны, следующий абзац ему нравился:

«Уверена, что Ваши обязанности многочисленны и тяжелы. Предлагаю днем не обременять друг друга своим обществом. Я заметила, что многие ссоры и раздоры в семье происходят от навязчивости одного из супругов. Прошу не считать мое предложение оскорбительным. Поскольку мы совсем не знаем друг друга, я просто предлагаю один из рецептов счастливого брака».

Тут Гауэйн с ней согласен. Но это немного отдает пуританством. Нет, более чем. Все же если бы он захотел написать нечто подобное, – чего никогда не сделает, поскольку было что-то неприятное в том, чтобы излагать это на бумаге, – вполне вероятно, что сам вставил бы этот абзац. Или что-то в этом роде.

Но именно последняя часть письма вызывала желание ощериться и зарычать, словно на бесцеремонно вторгшегося в свой дом безумца.

«Наконец, я хотела заметить, что очень ценю манеру, в которой Вы разделились с процедурой ухаживания. Хотя сначала я была удивлена, но по размышлении должна сказать, что уважаю Ваше здравомыслие в подобных вещах. Полагаю, Вы разделяете мое мнение о браке: это контракт, выполняемый ради продолжения благородного рода и благоденствия общества в целом. Это праздник, который следует уважать и которым можно взаимно наслаждаться. Но не стоит выставлять напоказ чрезмерные эмоции. Я сама терпеть не могу конфликтов в доме. И считаю, что мы можем избежать множество неприятных сцен, спокойно объяснившись друг с другом, перед тем как принести обеты».

Короче говоря, Эдит не любила его, не собирается любить и считает, что любовь в браке – ненужная роскошь.

Ярость, которую Стантон испытывал, была совершенно неуместной и неприличной. Ведь это он отбросил мысли об ухаживании, закрыл дверь гостиной, полной мужчин, и фактически подкупил ее отца, ради того чтобы тот отдал ему руку дочери.

Но тем не менее чувствовал себя оскорбленным.

Нет. Не оскорбленным. Вzbешенным. Оскорбление – это для жалких людишек, чьи чувства легко ранить. Но его чувства не мог ранить никто.

А Эдит еще не закончила:

«Буду крайне благодарна, если Вы ответите на письмо. Уверена, у Вас найдутся свои просьбы, и я готова их рассмотреть».

«Готова их рассмотреть?!»

В груди вырос огромный ком ярости. Она считает, что Гауэйн опозорит свои брачные обеты, взяв любовницу? Намерена рассмотреть его просьбы?!

И она вообразила, что он будет о чем-то просить? Он чертов герцог! И не просит, а приказывает!

Гауэйн почти никогда не выходил из себя. Вскинутой брови было более чем достаточно, чтобы усмирить любого, вселить сознание того, что в руках герцога – его судьба. Ему стоит сказать лишь слово, и человека бросят в тюрьму. Не то чтобы он был на это способен, но у него была власть, заставлявшая повиноваться.

Выражение ярости – орудие тупое, и такое же неуклюжее, как и ненужное. И Стантон прекрасно сознавал, что в тех редких случаях, когда терял терпение, мог наговорить много того, о чем позже жалел.

К несчастью, это был именно такой случай: гнев бросился в голову. Письмо леди Эдит было крайне неуважительным к его персоне, титулу и предложению выйти замуж.

Гауэйн сел за письменный стол и выхватил из стопки листок бумаги для писем. Ткнул пером в бумагу, разрывая ее.

Он предложил сделать леди Эдит *герцогиней*. Не просто герцогиней, а герцогиней Кин-росс! Один из самых старых, самых уважаемых в Шотландии титулов, который никогда не принадлежал англичанке. Никогда!

Может, для этого были веские причины.

Он взял другой листок и начал писать.

«Леди Эдит!

Возможно, во мне говорит шотландец...»

Нет. Он не хотел, чтобы она чувствовала себя неловко из-за его несчастной национальности. Это не ее вина. И поскольку это его идея – связать судьбу с благородным английским семейством, – не стоит придирается к ее происхождению.

Гауэйн глубоко вздохнул. Нужно сохранять чувство юмора. Его невеста казалась девушкой практичной, с юмором сони, но он так и не спросил ее, наслаждается ли она жизнью. Просто взглянул в темно-зеленые глаза и пообещал ее отцу долю имущества, достойную принцессы.

Должно быть, он жестоко ошибся, но сейчас уже слишком поздно. Он сам полез в эту ловушку, обручившись с угрюмой, злобной, уколобой детоненавистницей.

Но тут Стантон представил изгибы ее фигуры и эти глаза... и разом приободрился. Может, им следует держаться подальше друг от друга, если не считать постели.

Стараясь думать только об этом, он снова взялся за перо:

«Леди Эдит!

Благодарю Вас за письмо. Откровенно объяснившись, Вы оказали мне честь. Позвольте изложить, чего я ожидаю от этого брака.

1. Я намереваюсь каждую ночь осуществлять право мужа в Вашей постели, пока нам не исполнится по девяносто лет... в крайнем случае восемьдесят девять.

2. Похотливая стрелка часов шотландца всегда стоит на двенадцати. Короче говоря, я буду прерывать Ваши дневные занятия только ради одного.

3. Я возьму любовницу, когда Вы возьмете любовника, не ранее того.

4. Дети рождаются по воле Божьей. Я не собираюсь надевать на свои интимные места свиную кишку, если Вы предлагаете именно это.

5. Мне интересно знать, Вы в своем уме? Брачный контракт подписан, так что мой вопрос – это не мольба о свободе. Однако можете считать его выражением искреннего любопытства».

Гауэйн впервые писал в столь язвительном тоне, поскольку у герцога редко выдается случай писать иронические послания кому-то, кроме самых близких.

Собственно говоря, граф Чаттерис, на чью свадьбу он скоро отправится, был одним из немногих, кто обращался к нему по имени. Они стали друзьями в основном потому, что не любили привлекать к себе внимание. Много лет назад, когда отец Чаттерис был жив и часто вытаскивал его на летние домашние приемы, на которых детям для взрослых приходилось разыгрывать сценки, он и Чаттерис играли деревья, которые двинулись на Дунсинан и испугали Макбета. С тех пор они безмолвно согласились, что находят друг друга вполне выносимыми.

Стантон подписал письмо полным титулом: Гауэйн Стантон из Крэгивара, герцог Кин-росс, вождь клана Маколеев. Потом он взял воск, которым почти никогда не пользовался, и запечатал письмо герцогской печатью.

Получилось впечатляюще. Отлично.

## Глава 6

Отец и мачеха Эди, очевидно, помирились: отношения из ледяных перешли в прохладные.

– Он по-прежнему не спит со мной, – призналась Лила несколько дней спустя за вторым завтраком. Граф должен был присоединиться к ним, но так и не появился.

Эди вздохнула. Ей не нравилось обсуждать интимные забавы отца, но кому еще может исповедаться бедняжка Лила?

– Все та же проблема? Считает, что в свободное время ты отдаешься Грифису?

– Он сказал, что верит мне насчет Грифиса. Но, как ты заметила, этот факт не побудил его ночевать дома.

В комнате появился Вилликинс с маленьким серебряным подносом для писем.

– Прекрасно! – обрадовалась Лила. – Полагаю, это приглашение на вечер к генералу Ратленду. Миссис Блоссом сказала, что будет рада видеть меня в своей ложе.

– Письмо для леди Эдит, – объявил дворецкий, обходя вокруг стола. – Завтра грум вернется за вашим ответом.

Эди взяла письмо, оказавшееся посланием от герцога на толстой бумаге, пахнувшее золотыми соверенами и запечатанное толстым сгустком красного воска.

– Это от Кинросса? – спросила Лила, откладывая вилку. – Полагаю, для обрученной пары вполне прилично переписываться, но мою мать хватил бы...

Она продолжала говорить, пока Эди ломала печать и разворачивала листок.

Прочитав письмо, она помедлила и перечитала снова. Осуществление права мужа вполне понятно, хотя у человека явно мания величия. Девяносто лет?

Эдит фыркнула. Стоит взглянуть на ее отца, а ему только сорок или около того. Ответ Кинросса на вопрос о любовнице был точно таким, какого желала бы всякая женщина. Но «свиная кишка»? Как может это помешать зачатию?

А вот пятый, последний пункт она перечитывала снова и снова. У будущего мужа действительно есть чувство юмора. Эди по достоинству оценила его сарказм. Мало того, письмо позволило ей увидеть супружескую жизнь с абсолютно другой стороны.

– Что он пишет? – спросила Лила, подперев рукой голову. – У меня ужасно болит голова, и я не способна читать, так что просто перескажи.

– Хвастается, что мы будем танцевать в постели до девяноста лет.

– Значит, он не такой сухарь, как я думала. Звучит идеально! И так непохоже на твоего отца!

Эди сложила письмо. Это не похоже на объяснение в любви, но поскольку оказалось первым письмом будущего мужа, нужно его сохранить. И ответить.

– Возможно, вы с отцом могли бы здраво обсудить все моменты разлада в вашем браке? И подумать, как их избежать?

Лила подняла голову ровно настолько, чтобы прищуриться на падчерицу, но тут же уронила снова.

– Когда ты говорила это, выглядела такой же чопорной, как твой отец.

– В самом деле?

Мысль была неприятной.

– Прости.

– Разговоры нам не помогут. Мы общаемся на более интимном уровне. А это означает, что последнее время мы совсем не общаемся.

– Кстати, ты не знаешь, что может означать «похотливая стрелка часов»?

– Не имею ни малейшего понятия. Отец будет недоволен, узнав, что твой жених написал такое грубое письмо. Кинросс не имел в виду ничего неприличного, надеюсь?

Эди широко улыбнулась.

– Хочешь сказать, мне не следует говорить отцу, что герцог заявил, будто указанная стрелка всегда стоит на двенадцати?

Лиля снова подняла голову.

– Он это написал? Черным по белому? На двенадцати?!

– Так и есть.

Эди развернула письмо и перечитала снова. Оно нравилось ей все больше. Если бы она не подхватила эту лихорадку, вполне возможно, наслаждалась бы беседами с герцогом. Теперь же, когда она выздоровела, было ужасно досадно сознавать, что скорее всего очаровала будущего мужа своим молчанием, которое ее нормальным состоянием решительно не являлось.

В этот момент открылась дверь – и вошел отец.

– Простите за опоздание. Леди Гилкрист, вы хорошо себя чувствуете? – спросил он, позволяя лакею положить ему на колени салфетку.

– Голова болит. Джонас, этот жених, которого вы выбрали для Эди, прислал ей абсолютно неприличное письмо. Думаю, он...

– Вовсе нет, – перебила Эди. – Герцог Кинросс написал вполне достойный ответ на мое послание.

Отец прищурился.

– Неприлично писать его светлости. Если тебе нужны были какие-то сведения, я мог бы передать твою просьбу.

– Да, но, Джонас, написал бы он тебе о похотливых стрелках, которые стоят на двенадцати? – вмешалась Лиля.

– Что?!

Отец был мастером задавать громоподобные вопросы.

– Кинросс имел в виду свою национальность, – объяснила Эди. – Он пишет, что у шотландца похотливая стрелка часов всегда стоит на двенадцати.

К ее удивлению, негодования на отцовском лице мгновенно не стало.

– Он цитирует Шекспира, – пояснил граф, поднимая вилку. – Омерзительная фраза, произнесенная персонажем сомнительной репутации, но тем не менее это Шекспир.

– Но я не понимаю значения, – пожаловалась Эди.

– Естественно, не понимаешь. Подобные идиомы не для слуха молодой благородной леди.

Он положил вилку.

– Я хотел, дочь моя, упомянуть о том, что среди шотландцев, возможно, царит более свободная атмосфера, чем та, к которой ты привыкла.

– Так выражение насчет стрелки неприличное?

Эди становилось ясно, что ей неизвестно практически ничего о том, что касается брачной постели.

– Не смей повторять это выражение! Оно не должно исходить из уст дамы! – взорвался отец.

Лиля подняла голову. Глаза лукаво блестели. Так, как раньше, в первые месяцы их брака.

– Вы будете разочарованы слышать это, Джонас, но женщины достаточно часто обсуждают этот орган. В зависимости от размеров упомянутого органа, можно называть его стрелкой, иглой или дротиком. Есть еще и булавка: термин, используемый в исключительно несчастных обстоятельствах. Но можно говорить и о копье.

Она смахнула волосы с лица, чтобы лучше видеть реакцию мужа.

– Эта беседа непростительно вульгарна! – резко заявил граф.

– Меч, оружие, боевой топор, – добавила Лила с еще более жизнерадостным видом. – Эди скоро станет замужней женщиной. Нельзя обращаться с ней, как с ребенком.

Эди мысленно застонала. Они снова вернулись к тому, с чего начали. Отец должен был жениться на пуританке!

К счастью, в ее женихе наблюдались признаки жизни. Если она разразится потоком шуток относительно копий, он вполне может рассмеяться. К сожалению, она вряд ли поймет и половину шуток, особенно если он заимствует их из Шекспира. Эдит не особенно разбиралась в литературе. У нее просто не было времени на чтение.

– Из какой пьесы эта цитата? – спросила она.

– «Ромео и Джульетта», – пояснил отец.

Возможно, стоит наскоро просмотреть пьесу, перед тем как писать ответ Кинроссу. По правде говоря, читатель из нее никакой.

– Давайте сменим тему. Мне действительно нехорошо. Как по-вашему, это чахотка? Возможно, очень слабая, но достаточная, чтобы я падала в обморок при виде очередной пышки?

– Вы...

Граф едва успел сдержаться.

Эди быстро перехватила разговор, прежде чем отец скажет то, о чем позже пожалеет. Хотя вряд ли пожалеет...

– Я с нетерпением жду встречи с Кинроссом, – объявила она, и могла поклясться, что увидела огонь желания в глазах отца, когда тот смотрел на Лилу. Но как это может быть? Он вечно критикует жену. Нападает за неосторожные и импульсивные замечания, срывающиеся с ее губ.

– Надеюсь, вы с герцогом будете счастливы, – заметил отец.

– И надеюсь, у вас будут дети, – добавила Лила. – Много детей.

Молчание, следовавшее за этими словами было таким отчаянно напряженным, что Эди вскочила и, пробормотав извинения, вылетела из комнаты.

Лила и отец, несомненно, любили друг друга, когда поженились. Но теперь он начал критиковать те же качества жены, которые прежде обожал. Хуже всего было чувство разочарования, так и висевшее в воздухе вокруг них.

Именно подобной ситуации им с Кинроссом следует избегать. Так что разумная беседа крайне необходима.

## Глава 7

Гауэйн не проводил время в ожидании ответа из Лондона. Это было бы низко и недостойно его. Кроме того, он послал письмо с одним из самых доверенных грумов, с приказом подождать ответа. Поскольку он точно знал расстояние от Лондона до Брайтона, не было необходимости и дальше думать об этом деле.

Но только...

Он легко распознал эту неуместную эмоцию. Похоть. Впервые за двадцать два года его жизни. Он ненавидел мысль о том, чтобы платить деньги за близость, и смесь брезгливости и благородства мешала ему принять откровенные приглашения замужних женщин. Более того, тогда он был помолвлен и ждал, пока Розалин достигнет совершеннолетия. Он определенно испытывал желание, но оно никогда не брало над ним верх.

Это было до того, как он встретил леди Эдит.

Теперь Стантон отпустил поводья и его чувственный аппетит оказался воистину ненасытным. Он едва мог спать, потому что мечтал о пухлых ножках, переплетенных с его ногами. Его мысли и игра воображения могли бы заставить священника побледнеть.

Гауэйн не мог справиться с собой даже в тех случаях, когда ситуация, как сейчас, требовала рационального мышления. Он и Бардолф работали в отдельной гостиной отеля «Нью Стайн» перед началом совещания с банкирами из «Помфриз-банка». Он читал и подписывал письма, пока Бардолф озвучивал отчет одного из своих помощников.

Гауэйн подписал все, что Бардолф положил перед ним, одновременно представляя, как отвезет жену в свой замок в Крэгиваре, где жили целые поколения вождей кланов. В постель, где его предки осуществляли свои браки.

Эдит лежит под ним, волосы разметались по кровати смятым старым китайским шелком. Он наклонился, чтобы ласкать ее, гладить обнаженное плечо, сливочно-белую кожу... а потом стал целовать как одержимый, и ее глаза открылись, а веки отяжелели от желания.

– Ты моя! – рвался из горла крик.

А она...

В чувства его почти привел кашель Бардолфа.

Гауэйн замер, с ужасом сознавая, что его брюки опасно натянулись под напором вздыбленной плоти. Слава богу, между ними письменный стол!

Он медленно протянул руку и взял письмо, ожидавшее подписи.

– Свадьба Чаттериса, – заметил он, глядя на страницу и тихо радуясь, что голос звучит ровно, хотя несколько хрипловато.

Бардолф кивнул.

– Ваш подарок в виде оленьей туши и двенадцати гусей уже отослан. В этой записке вы принимаете приглашение остановиться в Фениморе. Полагаю, список гостей будет таким длинным, что многим придется останавливаться в ближайших гостиницах.

Гауэйн окунул перо в чернильницу, но держал его над письмом на секунду дольше, чем следовало бы: с кончика упала большая капля и плюхнулась на бумагу. Секретарь издал звук, напоминавший треск сухой ветки под ногой.

– Я поеду с небольшим сопровождением: вы, Сандефорд и Гендрих, – решил Гауэйн, отодвигая письмо, которое надлежало переписать. – Вчера вечером я прочел отчет Гендриха по текстильной фабрике в Вест-Ридинге, так что пришло время его обсудить. Когда доберемся до Кембриджа, вы трое сможете вернуться в Лондон. Пусть Сандефорд едет на Королевскую биржу, но сначала я бы хотел выслушать его мнение насчет покупки акций предприятия по производству осветительных приборов в Бирмингеме.

– Плюс еще грумы, – пробормотал Бардолф под нос, делая заметки. – Три экипажа вместо четырех. Нужно положить постельное белье и фарфор, хотя вряд ли они понадобятся в Фениморе.

– Я еду на прогулку верхом, – объявил Гауэйн, вставая.

Бардолф сразу же привычно нахмурился.

– Но нам нужно просмотреть еще четырнадцать писем, ваша светлость!

Но Гауэйн, не отвечая, вышел из комнаты. Возможно, верх взял шотландский нрав. Он чувствовал себя сильнее и энергичнее, чем раньше, а в мозгу теснились нежные слова и безумные образы. Ему хотелось увезти жену в лес, уложить на белую ткань среди поля фиалок. Хотелось слышать ее голос на открытом воздухе: подобный крику птицы победный крик женщины, получившей наслаждение. Хотелось...

Больше Стантон не желал быть благоразумным. Сидеть в душной комнате и читать остальные четырнадцать писем, прежде чем украсить каждое длинной и утомительной подписью.

Напрасно он твердил себе, что Эдит – соня без малейшего чувства юмора. Откровенно говоря, юмор не входил в те многочисленные планы, которые он имел на нее. Образы расцветали в сердце, подобно розам, и каждый противоречил серьезному тону ее письма.

Гауэйн хотел осыпать ее подарками, но все, что он мог придумать, казалось недостойным этой леди. Если бы можно было вышить рай на ткани из золотого и серебряного цветов, он бы бросил это полотно к ее ногам...

Нет, он положил бы на эту ткань Эдит, нежно, как Елену Троянскую, а потом стал бы медленно любить.

Стантон окончательно сошел с ума.

Его воображение расцветало метафорами, описывавшими женщину, которую он видел едва ли больше часа. Позже в ту ночь он проснулся от сна, в котором Эдит протягивала ему руки, а жидкое золото ее волос ниспадало почти до талии.

– Ах, дорогая, – говорил он ей, – я запутался в твоих волосах.

Неужели он сказал это вслух? Гауэйн бы никогда не совершил такой глупости.

Он действительно потерял разум.

И знал, почему. Очевидно, у него слишком долго не было женщины, и в результате он помутился рассудком. Целомудрие противопоказано мужчине: ослабляет его мозг. Более того, хотя раньше Стантон всегда чувствовал себя уверенно в постели, внезапно представил, как неуклюже действует, как чувствует себя глупо и неловко...

Черт!

И тут пришло письмо.

«Ваша светлость!

Я счастлива получить ответ на мой вопрос относительно связей с другими женщинами. Приятно знать, что, хотя природа создала Вас для плотского удовольствия, Вы готовы предоставить целых шестьдесят лет указанной деятельности в мое распоряжение».

Гауэйн прочитал этот абзац трижды, после чего от души расхохотался. Эдит узнала цитату из Шекспира и ответила в том же духе.

«Опасаясь, что Вы составили обо мне ложное мнение. Я слишком много улыбалась в вечер моего дебютного бала... поскольку была так больна, что не могла заставить себя говорить.

Я упомянула о своих тревогах моей мачехе, леди Гилкрист, которая твердо уверена, что помолвленной паре не стоит узнавать до свадьбы характеры друг друга. Но поскольку

она не разговаривает с моим отцом, я считаю ее крайне ненадежным источником советов, касающихся супружеского счастья».

Если Гилкрист был не способен определить настроение жены с одного взгляда, Гауэйн считал, что все время на свете не поможет им лучше понять характеры друг друга. Но жаль слышать, что Эдит была больна.

«Я также спешу заверить Вас, что не безумна, хотя мои заверения вряд ли имеют цену, тем более что я все равно буду настаивать на своем здравом рассудке. Нам следует оставить этот вопрос до следующей встречи на свадьбе Чаттериса. Думаю, Вы найдете меня вполне нормальной, но, увы, не такой загадочно молчаливой, какой я была во время танцев».

В этом письме было столько жизни, что Гауэйн словно слышал ее голос. Вот только не мог припомнить, как он звучит. Стантон умирал от желания увидеть ее сейчас, когда она не больна.

На секунду образ безмятежного ангела дрогнул в его воображении, но Стантон быстро справился с этим. Лучше уж жениться на женщине, считающей, что он создан для ее наслаждения. В тысячу раз лучше, чем жениться на покорной соне, пусть и спокойной.

«Я также признаюсь, что нахожу имя Эдит немзыкальным. Предпочитаю зваться “Эди”.

С самыми лучшими пожеланиями от вашей будущей жены, которая имеет веские причины молиться за ваше крепкое здоровье... учитывая мои ожидания шестидесяти пяти (семидесяти!) лет супружеского блаженства.

Эди».

## Глава 8

*Фенимор*

*Дом графа Чаттериса*

*Кембриджшир*

Эди сознавала, что ведет себя необычно. Она привыкла чувствовать сильные эмоции исключительно как реакцию на музыку или спор с отцом. Она гордилась своим самообладанием.

Но теперь, когда оставалось меньше часа до встречи с графом Чаттерисом, его гостями и своим женихом, она была... как бы это выразиться, весьма озабочена. И чувствовала себя так, словно вот-вот вырвется из собственной кожи. Нервы натянулись до предела, и успокоиться не представлялось возможным.

Эдит металась по комнате, отвергая все платья, предлагаемые Мэри. Она была не из тех женщин, которые чрезмерно заботятся о своей внешности. Но это не означало, что она совершенно не сознает силы воздействия на мужчин правильно подобранной одежды.

Вчера Эди не обратила внимания, какие наряды Мэри уложила для нескольких дней пребывания в Фениморе, поскольку все внимание ее было устремлено на ноты Боккерини. Но теперь она здесь, и леди Гонория Смайт-Смит (будущая графиня Чаттерис) только сейчас сообщила, что герцог Кинросс уже прибыл. И совершенно внезапно показалось ужасно важным, в чем именно перед ним предстать.

Герцог будет присутствовать за ужином, и Эдит увидит его впервые с того дня, когда он сделал предложение. От этой мысли лихорадка вернулась с новой силой.

Любая женщина в здравом уме отвергла бы идею появления перед женихом в наряде девственной весталки, и, очевидно, белое платье со скромной оборкой на подоле только подтверждало это правило. После обмена письмами Эдит была вполне уверена, что Кинросс хотел жениться на ком-то, откровенно чувственном. Ком-то, кто прекрасно понимает выражения вроде «похотливой стрелки» – слова, смысл которых ускользал от Эди. Эдит желала взглянуть ему в глаза и увидеть не просто желание – возможно, сладострастие. Если его стрелка окажется не на двенадцати, она будет унижена.

Эдит хотела ослепить его. Но самое глупое заключается в том, что она даже не уверена, что узнает его. Она помолвлена с высоким мужчиной с шотландским выговором, но совсем не может вспомнить его лица.

Все же, его письмо – ТО письмо – сказала ей достаточно, чтобы она решила, что у него смеющиеся глаза. Не распутные, не глаза повесы – просто в них горит огонь желания.

Лишь после того как Мэри перебрала все имевшиеся платья, а Эди отвергла каждое, не найдя в них соответствующего блеска, пришлось сдаться неизбежному и послать горничную к Лиле.

– Можно я надену одно из твоих платьев? – спросила Эди, когда Лила появилась в дверях. – Ненавижу свои туалеты. В них я выгляжу безликой дурочкой.

– Ты прекрасно знаешь, что молодая незамужняя леди должна носить только ткани пастельных оттенков.

Лила пересекла комнату и открыла окно.

– Не курить! – приказала Эди, показывая на стул.

Лила вздохнула и села.

– Я практически замужем. Кинросс здесь, и я просто не могу надеть одно из этих унылых платьев.

Она не знала, как лучше объяснить, но если не увидит желания в его глазах, может разорвать помолвку из чистого стыда. Она не могла отделаться от мысли о том, что, возможно, он предложил ей руку из-за молчания на балу.

– Дорогая, ты – стройная ива, по сравнению со мной, – запротестовала Лиля. – Конечно, я тебя понимаю, прекрасно понимаю. К твоим волосам не идут нежные тона. Все же у нас нет времени каким-то чудом переделать одно из моих платьев.

– Мы одного роста. Мои бедра, может быть, немного худее, но грудь такая же.

– Моя грудь совершенно немодно велика. Как и мои бедра.

– Можешь называть свою грудь немодной, если хочешь, но мне моя нравится. И мы почти одного размера. Любое платье подойдет, – настаивала Эди. – Неужели не видишь, Лиля? Кинросс не приглядывался ко мне, хотя я ценю тот факт, что он выбрал жену, основываясь на рациональных соображениях. Правда, я его одобряю.

Лиля закатила глаза.

– Рациональные соображения – совершенно абсурдная причина для женитьбы. Твой отец однажды сказал мне, что после смерти твоей матери он составил список из шести пунктов, где обозначил качества, необходимые для будущей графини, а я соответствовала пяти из них. И взгляни, чем все обернулось...

– А какой пункт был шестым?

Лиля снова встала и подошла к груде платьев.

– Плодовитость, конечно, – бросила она, наклоняясь над нарядами. – Способность производить маленьких графов десятками, если не дюжинами. Как насчет зеленого? Оно не такое скучное, как белые.

– Вы с отцом любите друг друга, – заметила Эди, игнорируя тот факт, что Лиля пытается превратить вырез зеленого платья в нечто чувственное, что, разумеется, было невозможно. – Вы просто не...

– ...нравимся друг другу, – закончила за нее Лиля и одним движением оторвала от выреза кружевную отделку.

– Я в это не верю. Вы нравитесь друг другу. Просто вам следует больше разговаривать. Но пока что оставим в стороне твой достойный сожаления брак. Я пытаюсь сделать все, чтобы мой оказался счастливым. Не хочу, чтобы Кинросс думал, что я нечто вроде вялой лилии.

– После твоего письма вряд ли ему это придет в голову, – покачала головой Лиля. – Слава богу, у твоего отца оказалась книга шекспировских цитат. Полагаешь, Кинросс воображает тебя синим чулком, перечитавшим все эти пьесы?

– Скоро он обнаружит, что это не так, – заверила Эди. – Ты решила уничтожить это платье?

Мачеха подняла зеленое платье, с которого спорола белое кружево.

– Если оттянешь рукава, чтобы обнажить плечи, это платье может оказаться очень привлекательным.

– Не желаю ничего привлекательного. Желая быть такого рода женщиной, которая разбрасывается непристойными шуточками.

– Такой женщине непременно понравилось бы это платье. Возможно, я еще решу убежать от твоего отца и открыть собственную модную лавку.

Эди подошла и взяла наряд.

– Я не могу это надеть. Смотри: ты порвала плечо по шву. Я просто не желаю играть роль девственного лебедя.

– Но ты и есть девственница, – вздохнула Лиля. – Думай об этом, как о неизбежном этапе своей жизни. Когда-нибудь ты станешь старой и беззубой, и тебе придется питаться

бульоном. К несчастью, мужчины смотрят на женщин, как на новое вино, которое хорошо только, пока его не откупорят.

Эди пыталась осознать это, но не смогла.

– Но я знала женщин замужних, которым за тридцать, и они все равно не носят ничего, кроме белого. Я считаю дам, упорствующих в подобном заблуждении, достойными лишь жалости, – добавила Лиля.

Но всякий мог предположить это, взглянув на разницу между белым платьем и смелыми яркими туалетами Лилы.

– Я не протестую против своей девственности, – возразила Эди, возвращаясь на табурет перед туалетным столиком. – Просто не хочу разыгрывать роль скромной, благочестивой леди Эдит, как в то время, когда была больна. Нет, по правде говоря, я делала это всю свою жизнь.

– Твоему отцу это не понравится.

– Мой отец проявил свою власть надо мной, когда подписал брачные соглашения. Теперь мне нужно точно убедиться, что мой муж не посчитает, будто его пригласили играть роль отца.

– Хороший довод, – одобрила Лиля. – Полагаешь, разница в возрасте между мной и твоим отцом заставляет его считать меня ребенком?

Эди закатила глаза.

– Неужели до тебя это никогда не доходило?

До Лилы, казалось, дошло только сейчас. Она бросила зеленое платье на кровать.

– У меня есть наряд как раз для тебя. Мэри, пожалуйста, вернитесь в мою комнату и попросите Троттер дать вам винный шелк. Это жертва, дорогая, – обратилась она к Эди. – Я подумывала надеть его завтра вечером, но думаю, тебе оно нужно больше.

Лиля подошла к окну.

– Только попробуй вынуть сигару! – вскинулась Эди.

– Вот этот тон – прямое наследие твоего отца. Но это к лучшему: легче будет отдавать приказания, когда станешь управлять замком.

– Я практикуюсь на тебе. Больше никакого курения, пока я рядом.

– Я пытаюсь бросить, – оправдывалась Лиля, прислонившись к подоконнику и глядя в окно. – Твоему отцу это не нравится, а пока мы здесь, мне приходится делить с ним комнату.

Эди уже хотела спросить, к чему приводит такая непривычная близость, но тут появилась Мэри с грудой переливающегося шелка в руках.

– Вот оно! – проворковала Лиля, поворачиваясь на стук открывшейся двери. – Этот цвет называется «китайская роза». Ну не самый ли восхитительный наряд, который ты когда-либо видела? Темнее киновари, более насыщенный, чем кларет... ну... почти как кларет.

Мэри моментально раздела Эди до сорочки.

– Сорочку можно оставить, но никакого корсета, – заметила Лиля, подходя ближе.

Мэри обрушила водопад шелка цвета кларета на голову Эди. Какое приятное ощущение!

Лиля сама поправила лиф.

– Ты выглядишь прекрасно. Неотразима! Видишь эти рюши под грудью?

Эди повернулась к зеркалу. Шелк ниспадал изящными складками, открывая ложбинку между грудями. Узкие складки на плече создавали подобие рукава, хотя рукавов фактически не было.

Мэри опустилась на колени и надела на ноги Эди туфельки на высоких каблуках в тон платья.

– По-моему, несправедливо, что ноги у нас одинаковые, а бедра – разные, – заметила Лиля.

Эди повернулась в профиль. Платье превращало ее из Классической Девственницы в Классическую Лилу. Грудь казались большими. А ноги – длинными. Неплохая комбинация.

– Думаешь, ему понравится?

– Любому мужчине понравится, – уверила Лила тоном, не допускающим возражения. – Ты ослепительна. А теперь – губная помада в тон. Вернись к туалетному столику.

Непривычная высота каблуков что-то творила с равновесием Эди. Будучи больной, она скользила по полу. Сегодня она не будет скользить. Она станет извиваться, а не выглядеть так, будто покачивается из стороны в сторону, как лодка на волнах.

Эффект оказался достаточно женственным, что далеко не всегда удавалось Эди. Конечно, вряд ли можно выглядеть женственно, держа между ногами большой струнный инструмент. Если истинная леди настаивает на чем-то столь возмутительном, как игра на виолончели, нужно бы прижать ее к бедру и играть, сидя боком.

Эди могла сделать это, но не видела смысла. Она, разумеется, не столь глупа, чтобы мечтать стать известным музыкантом. Как дочь графа она играла исключительно ради удовольствия, а это означало, что можно сидеть в более естественной позе.

Да, отец любил виолончель, и Эди унаследовала его детский инструмент, а потом на шестнадцатилетие он купил ей еще один, работы Руджери... но она все-таки остается леди.

Виолончель стала играть роль молчаливой сделки между ней и отцом. Эди оттягивала дебют, как могла, но оба знали, что она выйдет замуж по выбору отца. Она словно дала обещание, а свои обещания всегда держала, высказанные или невысказанные.

Теперь Эди добрела до туалетного столика и села. Сегодня днем Мэри завila ей волосы модными буклями, что очень отличалось от ее вечно растрепанной прически.

Лила подбежала ближе и принялась укладывать букли.

– Ты портишь всю скрупулезную работу Мэри, – запротестовала Эди, когда Лила уложила очередной локон.

– Нет, я делаю тебя немного менее совершенной. Мужчин пугает совершенство. Теперь чуточку губной помады.

Выкрашенные красной помадой губы Эди выглядели в два раза толще, особенно нижняя.

– Тебе это не кажется немного вульгарным? Я совершенно уверена, что отец не одобрит.

Эдит выглядела пугающе непохожей на себя. И чувствовала, что превратилась из больной лихорадкой святой в больную лихорадкой куртизанку.

– Но так надо. Твой отец никогда не понимал, что немного вульгарности – это хорошо.

– Почему?

– Это было бы плохо, если бы ты все еще искала мужа, – пояснила Лила. – Но теперь ты должна произвести впечатление на герцога и довести до его сознания тот факт, что он никогда не сможет владеть тобой.

Эди повернулась, поймала взгляд Мэри и кивнула на дверь. Когда та ушла, Эди заметила:

– Лила, дорогая, не находишь, что подобные методы не сработали на моем отце?

– Какие методы?

Лила забрала ее волосы наверх в искусную прическу, украсила изумрудами и небрежно спустила один локон на плечо.

– Делать все, чтобы мужчина чувствовал, что жена никогда не будет ему принадлежать, по крайней мере, если речь идет о верности и преданности. Думаю, это могло привести к некоторым затруднениям между вами.

Лила нахмурилась.

– Я всегда буду хранить верность твоему отцу. Ему следовало бы знать это. Потому что он знает меня.

– Но если ты постоянно твердишь, пусть и без слов, что никогда не станешь ему принадлежать... Наблюдая за вами, я поняла, что мужчины довольно примитивны, по крайней мере мой отец. Он смотрит на тебя с болью и жадой обладания.

– Но я заверила его, что не спала с Грифисом. Он должен безоговорочно мне верить. Я его жена.

– Возможно, он нуждается в заверениях, что ты и не заинтересована в том, чтобы спать с любым другим мужчиной.

– Это дало бы ему слишком большую власть, – немедленно выпалила Лила. – Он и без того считает, что владеет мной. Прошлой ночью потребовал, чтобы я бросила курить.

Это Эди не удивило.

– Что ты ответила?

– Отказалась, конечно. Хотя сегодня вообще не курила.

Уголки губ Лилы опустились.

– Брак – дело куда более сложное, чем ты воображаешь. Если только тем и заниматься, что пытаться сделать мужа счастливым, просто доведешь себя до безумия.

Эди поцеловала мачеху:

– Простишь, если я скажу, что буду в хорошей компании? Ты слишком добра к моему ворчливому родителю.

Она взяла перчатки и палантин из прозрачной тафты.

– Нам пора на ужин. Мне не терпится увидеть, как выглядит мой жених.

## Глава 9

Гауэйн вошел в гостиную рано и беседовал с целой толпой родственников Смайт-Смитов, пытаясь притвориться, будто не умирает от скуки.

На балу у Гилкристов он был облачен в английский костюм: вышитый камзол, накрахмаленный галстук и шелковые панталоны. Но после словесной перепалки с Эди решил предстать перед ней самим собой, не притворяться англичанином.

Стантон надел килт Кинроссов и плед цветов вождя клана Маколеев. Так ему было удобно. В окружении тощих глупых англичан с прикрытыми коленями его голые ноги, свободные от оков брюк, казались вдвое сильнее.

Рядом остановился Маркус Холройд, граф Чаттерис.

– Кинросс, как я рад видеть вас. Моя невеста сообщила, что вы недавно обручились.

Гауэйн наклонил голову.

– Да, с леди Эдит Гилкрист.

– Мои самые наилучшие пожелания! Насколько я понимаю, она талантливый музыкант. Вы тоже играете?

Гауэйну стало стыдно: он понятия не имел об увлечениях леди Эдит, не говоря уже о талантах.

– Такой же музыкант, как ваша бесценная невеста?

Стантон как-то присутствовал на утреннике, где играли Смайт-Смиты, и надеялся больше никогда не услышать столь нестройной какофонии. Если его жена – музыкант того же калибра, он будет умолять ее не играть.

– Я не имел удовольствия слышать игру леди Эдит, – ответил Чаттерис, который и бровью не повел, услышав весьма сдержанную характеристику музыкальных дарований невесты.

У двери началось нечто вроде суматохи.

– Это Гонория, – сказал Чаттерис. Гауэйн глянул на него. В глазах графа светилось спокойное желание.

Странно. Браки среди аристократов обычно не заключались по любви. Но Чаттерис немедленно подошел к Гонории.

«Где леди Эдит, черт побери?» Гауэйна уже тошнило от похотливых взглядов женщин, одобрявших килт явно по вполне определенным причинам. Очевидно, их интересовало, что у него *под* килтом.

Граф Гилкрист вошел в гостиную и приблизился к Гауэйну слегка неуклюжей, скованной походкой.

– Ваша светлость, – сказал он, слегка наклонив голову.

– Скоро мы станем родственниками, – сердечно заметил Гауэйн, протягивая руку. – Приятно видеть вас, Гилкрист.

Граф сжал и тут же отпустил его пальцы.

– Думаю, вы будете рады видеть мою дочь после разлуки. Хорошо, что вам предстоит лучше узнать друг друга перед свадьбой.

– Собственно говоря, нам следует обсудить дату церемонии. Я бы хотел пересмотреть продолжительность помолвки.

– Я не одобряю поспешных браков, – ответил Гилкрист. – По моему мнению, помолвку бы следовало растянуть до года.

Гауэйн не возражал бы... до того, как он и Эди обменялись письмами. Но теперь...

– Я уже упоминал о своей осиротевшей сводной сестре. Не хотелось бы оставлять ее без матери на целый год.

Леди Гилкрист присоединилась к ним. Гауэйн повернулся и поклонился, выпрямившись как раз вовремя, чтобы поймать открытый взгляд Гилкриста на жену. Взгляд, смутивший Гауэйна: граф, фигурально говоря, лежал у ног жены.

– Леди Гилкрист! – воскликнул Гауэйн. – Какое удовольствие снова вас видеть!

– Должно быть, вам не терпится увидеть нашу дочь, – заметила она, улыбаясь, так что на щеке появилась неожиданная ямочка. Когда она выглядела вот такой, немного лукавой, сочетание ее красоты, чувственности и остроумия ослепляло.

Стантон ответил улыбкой и поцеловал руку леди. И тут же заметил, как потемнели глаза Гилкриста. Он даже растерялся, но тут же понял, что эта откровенная ярость могла означать одно: Гилкрист уверен, что жена способна изменить ему, даже с зятем. Гауэйну стало жаль его.

Должно быть, следы этой жалости как-то проявились на его лице, потому что Гилкрист прищурился и вскинул подбородок.

– Леди Гилкрист, – жестко бросил он, – где моя дочь?

Леди Гилкрист никак не отреагировала на его тон, по мнению Гауэйна, невозможно резкий, не говоря уже о том, что вместо «наша дочь» он произнес «моя».

– Эди вошла в комнату вместе со мной, – ответила она, – но увидела прелестную леди Айрис, которая тоже играет на виолончели. Одна из девушек Смайт-Смитов.

Она повернулась и обзрела комнату.

– А, вот и она.

Молодые леди были повсюду и выглядели точно снежные сугробы в своих белых платьях. Гауэйн оглядывал одну за другой и отвергал каждую. Хмурясь, он переводил взгляд с одного белого платья на другое.

Он был уверен, что узнает милое личико леди Эдит. В конце концов, он глазел на него два танца подряд. Знал форму ее носа, цвет глаз, абрис скул.

– Возможно, – вмешалась леди Гилкрист, в голосе которой отчетливо прозвучали веселые нотки, – вы не принимаете в расчет тот факт, что Эди терпеть не может белых платьев, хотя при необходимости их носит.

– Надеюсь, что жених узнает мою дочь, независимо от цвета платья, – отчеканил Гилкрист.

Гауэйн проигнорировал его и стал оглядывать каждую женщину в комнате, а не только тех, кто был в белом. Смешок леди Гилкрист походил на дремотный зов птицы на закате.

И тут он увидел ее.

Свою невесту. Будущую жену.

Эди.

Его сердце загрохотало. Он узнавал каждую черту ее лица, полные губы, волосы... кто мог забыть эти волосы? Они походили на старые римские монеты, выцветшие до оттенка канарского вина, с прядями более темного золота.

В то же время она не была именно той женщиной, на которой он хотел жениться. Эта женщина казалась совершенно чувственной. Тело словно создано для мужской ласки, груди – мягкие и полные, алебастровая кожа обрамлена красным шелком. Она говорила с кем-то и смеялась... а смеющиеся губы были цвета платья. Волосы сияли глубоким свечением жасминового меда. Букли были забраны наверх и несколько отличались оттенками.

Гилкрист сказал что-то, но Гауэйн уже не слушал. Кровь гудела в ушах. Когда он впервые ее встретил, глаза Эдит были безмятежными озерами пресной воды. Теперь они были глубокими, полными ума и смеха. В них не было ничего безмятежного. Ни в алых губах, ни в округлой груди.

– Понимаю, почему вы не узнали ее сразу, – заметил Гилкрист неодобрительно. – Это платье совершенно неприлично. Наверняка это ваше влияние, леди Гилкрист.

– Это не просто мое влияние, но и мое платье, – ответила жена. – Поскольку Эди обручена, ей необязательно строго цепляться за традиции, которые управляют жизнью незамужней леди.

– Прощу простить, – поклонился Гауэйн, – пойду поздороваюсь с леди Эдит.

– Зовите ее Эди, – весело посоветовала леди Гилкрист, совершенно не тронутая кислым лицом и критическими замечаниями мужа. – В кругу семьи мы предпочитаем неформальные отношения.

Гауэйна обуревали то же нетерпение, то же напряжение, с которыми он собирался на охоту. Вот она. Женщина, написавшая ему это письмо. Ей предстоит выйти за него замуж.

Он пересек комнату, не отрывая глаз от нареченной. Подол килта касался колен, напоминая о других частях тела, твердеющих с каждой секундой. Он ощутил нечто вроде эротического изумления: то, чего никогда раньше не чувствовал. Не мечтал почувствовать.

Словно ощутив его взгляд, Эдит обернулась и встретила с ним глазами.

Как Гауэйн мог посчитать ее чистой, тихой и покорной? Ее глаза сверкали, губы казались такими чувственными. Совершенно незнакомая женщина!

Желание опалило его. Ее губы чуть раскрылись, и он понял, что она тоже его узнала.

Стантон думал, что Эди похожа на глоток прохладной воды. Но теперь, встретив ее взгляд... нет, она – целая река, полная жизни и опасности. Она изменит его жизнь. Изменит в нем все!

Гауэйн отреагировал инстинктивно, как шотландские горцы, встретив женщину, которую почитали превыше всех других. Смутно сознавая, что вся комната замерла, он остановился перед невестой, встал на одно колено и взял протянутую руку.

– Миледи, – негромко и уверенно сказал он. В эту минуту он не видел никого, кроме нее, как и она видела только его. Одним быстрым движением он стянул с нее перчатку. Позади раздался общий вздох, но он ни на что не обращал внимания.

Это не представление для публики – только для них двоих.

Гауэйн поднял ее руку к губам и осторожно поцеловал пальцы. Дерзкий, возмутительный жест.

Но ему было все равно.

## Глава 10

Эди чувствовала себя так, словно очутилась на сцене в какой-то пьесе. До сих пор ничего столь драматичного не случалось с ней, леди Эдит Гилкрист. Самым волнующим событием были редкие приглашения в дом виолончелиста.

Войдя в комнату, Эдит с радостью увидела Айрис Смайт-Смит, неплохо игравшую на виолончели и каким-то образом избежавшую влияния общего фамильного квартета. Но тут она ощутила странное покалывание в лопатках, так что повернула голову. К ней шел будущий муж.

Глазами она словно схватила его образ и приняла в себя. Мускулистые ноги. Прекрасные ноги. Ни один англичанин не мог с ним сравниться. Широкая грудь, а плечи еще шире, благодаря пледу, наброшенному на одно плечо.

А лицо... Грубоватое, никак не прекрасное. Лицо воина с сильным подбородком. Но самой удивительной чертой были глаза. Никакой в них учтивости: только огненная жажда обладания.

Эдит неожиданно почувствовала себя так, словно Гауэйн смотрел прямо сквозь нее. Словно он глядел ей в душу и видел настоящую женщину.

Сердце билось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Герцог опустился на колени перед невестой, взял ее руку, стянул перчатку и поцеловал пальцы.

У Эди на секунду закружилась голова. Простое прикосновение его губ было чувственным обещанием. Такой поцелуй рыцарь дарит леди, прежде чем умчаться галопом на ее защиту. Такой поцелуй придворный дает королеве своего сердца. Кинросс унизился перед ней. И все же, опустившись на колени, только утвердил себя как человек, рожденный командовать.

Но тут он поднялся... Как Эди могла не заметить, что этот мужчина размером с шотландскую сосну? Возможно, и заметила. Но краем сознания. Она не видела, что он такой большой. И безжалостный.

Гауэйн выглядел именно как мужчина, который встречает женщину и немедленно решает на ней жениться. И отнюдь не из практических соображений.

Сама идея была абсолютно шокирующей... и восхитительной.

– Леди Эдит, – сказал он, и она вспомнила этот шотландский выговор. Мурашки забегали по ее коже, как от любовной песни.

– Предпочитаю, чтобы меня называли Эди, – ответила она, забыв отнять руку без перчатки. И тут же воскликнула: – У вас рыжие волосы!

Его правая бровь взлетела вверх.

– И всегда были.

– Никогда не любила рыжие волосы, – ошеломленно пролепетала Эдит, потому что эти волосы... эти волосы ей нравились. Цвета черненой стали, с огнем, горящим в глубинах. Цвета притушенного угля ночью.

Его смех прокатился по комнате, и окружающие, словно по сигналу, отвернулись, рассудив, что драма подошла к концу.

– Вы не знали, что у меня рыжие волосы, а я понятия не имел, что вы музыкант.

– Я играю на виолончели, – пробормотала она.

– Что это за инструмент? – нахмурился он.

– Как? Вы не знаете?

Стантон посмотрел ей в глаза и снова рассмеялся.

– Подозреваю, вам многому нужно научить меня, леди Эдит.

Эди нахмурилась:

– Вы шутите или действительно не знаете, что такое виолончель?

– Я очень мало знаю о музыке в целом. Моя бабушка не одобряла легкомыслия, и боюсь, что музыка подпадала под эту категорию.

– Музыка – это не легкомыслие.

– Она считала, что музыка для повседневной жизни не нужна. Не так, как крыша над головой или мясо на обед.

Эди задумалась, не стоит ли сообщить будущему мужу о том, насколько важнее хлеба для нее музыка. Но решила, что в данный момент это неуместно. У него огромное самообладание, у ее герцога.

Она видела вспышки глубокой эмоции в его глазах, но в то же время он так величествен. И так мужествен.

Но теперь Эдит осознала, что ей безразлично его мнение о музыке. Интереснее, что он думает о ее платье винного цвета. Какая-то женственная часть Эди мурлыкала от удовольствия, потому что Гауэйн до сих пор держал ее руку.

Он улыбнулся ей, и во взгляде было нечто такое, отчего ее сердце вновь заколотилось.

– Думаю, пора идти на трапезу.

Стантон положил руку Эди на сгиб своего локтя. Она даже не слышала, как дворецкий объявляет, что ужин подан, но другие гости готовились проследовать в столовую.

Кинросс смотрел на нее с жгучим интересом музыканта, перед которым положили новые ноты, коих он никогда раньше не видел. И она чувствовала то же самое.

Все это было очень странно.

Улыбка на ее губах была искренней. Герцог Кинросс был воплощением непроницаемости, и все-таки в какой-то момент она уловила в его глазах нечто вроде незащитности.

Значит, Эдит не одна тонет в этом лихорадочном водовороте желания и любопытства.

Они направились к другим гостям, уже образовавшим процессию, согласно обычным правилам ранга и титулов. Отец и Лила были во главе процессии. Кинросс как герцог встал впереди них, но первыми оказались жених и невеста, леди Гонория Смайт-Смит и граф Чаттерис.

Стантон наклонился ближе. Его дыхание теплым ветерком оведало ухо Эди.

– Вы так же музыкальны, как невеста и ее родные?

– Нет! – со смехом вырвалось у Эди.

Прикосновение его руки вызвало молнию в ее теле.

– Лучше или хуже?

Она рассмеялась еще заразительнее:

– А если я скажу «хуже»?

Эдит кокетливо взглянула на нареченного сквозь ресницы. В его глазах медленно проступила улыбка.

– Могу я подкупить вас, с тем чтобы не слышать вашей игры?

– Никогда. Больше всего на свете я люблю играть на виолончели. Но вы должны знать: это единственное, что я действительно делаю хорошо.

– Вы очень хорошо танцуете.

– Это часть любви к музыке. Я была ужасно больна в ту ночь, когда мы встретились. Вы не догадались?

Он покачал головой:

– Понятия не имел, пока вы не написали об этом.

– У меня была высокая температура. Я чувствовала себя так, словно не хожу, а плыву.

– Думаю, иногда танцоры описывают это как левитацию.

Его глаза смешливо сощурились.

– Я подумал, что вы удивительно грациозны.

– Я боялась, что упаду в обморок, – призналась Эдит. – Полагаю, единственной частью вечера, которой я искренне наслаждалась, был вальс. Вы чудесно вальсируете.

– Как и вы, миледи.

Стантон был настоящим герцогом. Это прослеживалось в каждой его черте. В бессознательной грации каждого движения. В атмосфере власти, окружавшей его. Но было и что-то еще.

Эдит склонила голову, пытаясь понять, что именно, но двери столовой открылись, и процессия начала двигаться вперед.

Ужин прошел в разговорах с пожилым джентльменом слева и с Кинроссом справа. В перерывах между беседой Эдит украдкой бросала взгляды на жениха. Он казался бесстрастным, так что никто и никогда не смог бы прочитать, о чем он думает. И все же она точно видела некую уязвимость. Ей хотелось еще раз заметить это в его глазах.

В спокойном состоянии Гауэйн выглядел почти грозно. Но когда их глаза встречались, свирепость в его взгляде исчезала. Эдит не знала, что кроется в них, но это было что-то неукротимое. Никто и никогда раньше не смотрел на нее так.

Конечно, Кинросс смотрел не на обычную Эди, игравшую на виолончели. Он видел Эди, одетую как Лиля.

Герцог шевельнул ногой так, что задел ее бедро своим, но не отодвинулся. Должно быть, это случайно: джентльмен не должен делать подобных вещей. Но он смотрел на нее лукаво и многообещающе. Так что это не случайность.

Каждый дюйм кожи Эдит мгновенно ожил. Но хоть это и неприлично, но ей понравилось. Она никогда не чувствовала подобного жгучего желания или... если быть правдивой, любого желания, кроме мечты о виолончели работы Страдивари.

Эди потянулась к винному бокалу и обнаружила, что пальцы дрожат. Щеки пылали.

Наконец Стантон отодвинулся, повернулся к ней и спросил:

– Вы читали «Ромео и Джульетту»?

Эди покачала головой. Получив его письмо, она попыталась прочитать трагедию. Но ничего не поняла. Сама виновата, потому что не слушалась гувернантку и всячески избегала занятий. У нее не было времени на чтение. Все, что хотела Эдит – это играть на виолончели. Но из-за всего этого теперь она чувствовала себя глупой.

Что-то голодное в глазах Гауэйна заставило ее заерзать.

– Я не слишком хорошо начитанна, – призналась она. – Думаю, в этом отношении вы полная моя противоположность.

– Моя бабушка, которая меня растила, ненавидела чтение ради удовольствия, но Шекспир был исключением. Обычно наставники были заняты тем, что учили меня двойной бухгалтерии и скотоводству. Я так и не смог поступить в университет. Так что, поверьте, я куда менее образован, чем вы могли подумать.

Эдит рассмеялась.

– Это невозможно. Я почти все знаю о виолончели и почти ничего – обо всем другом.

– Я достаточно много знаю о том, как быть герцогом и землевладельцем, и почти ничего – о музыке или литературе. Но я помню вот что: когда Ромео впервые увидел Джульетту на балу, описывал ее так:

Она затмила факелов лучи  
Сияет красота ее в ночи.

– Вы не могли так думать обо мне. Я была ужасно больна.

– Вы были чем-то вроде факела, судя по тому, что я помню. Я подумал, что ваше прикосновение обжигает.

Оставалось надеяться, что никто из окружающих не слышит Стантона.

Эди стало немного не по себе. Его ресницы были так красивы: густые и прямые. А глаза зачаровывали ее: то в них светилась герцогская надменность, то дерзкий повеса смотрел на нее с такой похотью и желанием, что по ногам бежали языки огня. А тем временем его глаза блестели юмором, от которого хотелось смеяться.

– А что Джульетта подумала о Ромео, когда впервые увидела? – спросила Эди, взяв себя в руки. – Она тоже подумала, что он горит ярче факела?

– О, он ей понравился. Но возможно, она нашла момент не таким ошеломляющим, как он.

– Почему нет? Что чувствовал Ромео?

– Он совершенно изменился. Навсегда, – пояснил Кинросс. – Потому что до бала был влюблен в другую даму.

Эди свела брови:

– Правда?

– Он был влюблен. В отличие от меня, – откровенно признался герцог.

Эди не смогла сдержать улыбку, хотя понимала, что никогда раньше не улыбалась так. Улыбкой Лилы.

– Ромео считает, что влюблен, но видит Джульетту.

– Она горит ярче факела в лихорадке жара, так что он забывает о своей прежней любви? – рассмеялась Эди.

– Что-то в этом роде.

Хрипловатые нотки смеха звучали и в его голосе. Она уже знала, что Гауэйн не часто смеется. Для герцога жизнь всегда серьезна; Эдит поняла это инстинктивно. Он был так же сильно увлечен, как и она, но вот чем?

– Он пал жертвой похоти. Рискнул поцеловать ее за колонной, хотя этот поцелуй мог означать его смерть.

– Это уж слишком, – заметила Эди. Она не могла отвести взгляда от него: его глаз, скул, носа, подбородка. И вполне отчетливо сознавала, что если кто-то и пал жертвой похоти, так это она. Но почему-то не стыдилась этого.

– Он отказывается от всего на свете ради возможности поцеловать ей руку.

– Его могли убить только за то, что он поцеловал руку Джульетты?

– Их семьи враждовали. Но он не удовольствовался только ее рукой.

Сияние глаз герцога зажгло ответный огонь в животе Эди.

– Он увлекает ее за колонну и целует в губы.

Эди сглотнула.

– А потом целует ее еще раз.

– Очень...

Эди не могла придумать слова.

– Он бы продолжал целовать ее весь вечер, но ее окликнули. Он даже не знает, кто она. Но точно знает, что она принадлежит ему.

Взгляд герцога был жадным и властным.

– Позже, той же ночью, Ромео перелезает через ограду вокруг сада и снова рискует жизнью, чтобы найти окно ее балкона.

– О, я слышала о балконе! – встрепенулась Эди, заставляя себя освободиться от чар голоса Гауэйна. Если так будет дальше продолжаться, она скоро станет умолять его поцеловать ее перед всеми собравшимися за столом. – Джульетта просит его жениться на ней.

Герцог покачал головой. Его пальцы под столом сжали руку Эдит, и новая волна горячей крови прилила к щекам.

– Нет, – сказал Кинросс спокойно, словно не делал ничего откровенно скандального. – Все было немного не так. Все предполагают, что Джульетта – дерзкая плутовка, потому что спрашивает о намерениях Ромео. Но эти двое знают правду.

Палец Стантона растирал ладонь Эди. Она заметила, что немного дрожит.

– Она знала, и он знал, – продолжал герцог тихо, но уверенно. – Ромео перебирается через ограду, потому что хотел поцеловать Джульетту сильнее, чем жить. Он взбирается на балкон и клянется в вечной любви. В такой ситуации брак не более чем формальность.

До Эди донеслись смех Лилы и звон вилок. Следовало прочитать чертову пьесу! Следовало проводить часы за чтением Шекспира. Герцог рассказывал куда интереснее, чем ее гувернантка!

– Без Джульетты и жить не стоило, – вздохнул герцог. – Поэтому, когда он посчитал, что она мертва, покончил с собой.

– Его реакция была весьма чрезмерной, – выдавила Эдит. Кто-то наверняка заметит, что жених держит ее за руку.

Лила, сидевшая чуть дальше, бешено флиртowała с мужчиной, который не был отцом Эди.

– Да, я часто думал, что Ромео, может быть, немного безумен.

Эди внезапно передернуло. Герцог выглядел так, словно... словно решил, что Ромео абсолютно в своем уме. Хотя сам не выглядел разумным и рассудительным. Скорее, умирающим от голода.

– Прекратите, – прошептала она, – отнимая руку. – Вы не должны так себя вести.

Гауэйн улыбнулся ей с видом счастливого безумца.

– Я шотландец.

– Какая тут связь?

– Некоторые считают, что в жилах Ромео течет шотландская кровь.

– Разве он не итальянец? Я считаю, он похож на итальянца с горячей кровью.

Кинросс слегка прищурился.

– Что вы знаете об итальянцах с горячей кровью?

– Ничего, – удивленно ответила Эди. – А что?

– Итальянцы – люди ревнивые.

Он поднял бокал и сделал глоток красного вина.

– Да. Я это слышала, – кивнула Эди, последовав его примеру.

Его глаза блестели льдом.

– Итальянцы – ничто, по сравнению с шотландцами.

Эди снова огляделась. За столом шли оживленные разговоры, и все же никто не замечал, что она и герцог нарушают правила вежливой беседы, оставаясь поглощенными друг другом. Не упоминая уже о том факте, что он снова схватил ее руку и ласкал большим пальцем.

Она едва сумела отрешиться от его прикосновений.

– Давайте пока оставим литературу и попытаемся беседовать разумно. Вы сообщаете мне, что намерены быть одним из тех мужей, которые обычно обвиняют своих жен в неверности?

– Нет, – насмешливо улыбнулся Стантон. – Я несу чушь, верно?

– Возможно, немного, – призналась Эди.

– Мы, шотландцы, – упертые дураки, – заявил он, хотя, по ее мнению, слишком жизнерадостно.

Она кивнула в сторону Лилы, которая наклонилась к соседу так близко, что ее грудь касалась его рукава.

– Мне невесело от подобных обвинений. По очевидным причинам.

Кинросс проследил за ее взглядом.

– По моему мнению, ваша мачеха вряд ли неверна мужу. Уверен, все это вызывающее поведение – напрасное и не слишком умное усилие привлечь внимание мужа.

Эди ощутила прилив чего-то, похожего на радость. Ее будущий муж не только рассудителен, но и обладает тонкой интуицией. Она широко улыбнулась.

– Совершенно верно.

– Я могу испытывать ревность, но это еще не значит, что я намерен ревновать жену.

– Вот как?

Она невольно улыбнулась. Но нужно выяснить отношения, потому что Эди отказывалась провести жизнь с человеком, который злобно взирает на нее каждый раз, когда она болтает с соседом.

Она снова понизила голос, хотя никто не обращал на них внимания.

– Я никогда не изменю своему мужу... вам.

Эдит и не представляла, что глаза человека могут светиться, как уголья от почти прогоревшего костра.

– Я тоже всегда буду вам верен.

– Так, если итальянец с горячей кровью покажется в вашем замке... кстати, у вас действительно есть замок?

– Да.

– И если этот итальянец за обедом... похлопает ресницами в мою сторону...

– Я вполне могу вышибить его пинком в другое графство, – отрезал герцог.

Эди стала пристально его изучать.

– И вам это понравится? У меня создалось впечатление, что вы управляете большим поместьем. Не представляю, как вам это удастся, если вы имеете склонность к насилию.

– Пятью поместьями, собственно говоря. Я мировой судья двух графств. И сказал бы, что известен своим здравомыслием, добродетелью и привычкой тщательно обдумывать любой вопрос.

Эди вскинула бровь.

Гауэйн наклонился ближе и сжал ее ладонь чуть сильнее.

– Думаю, это только потому, что я пока еще не завладел вами. Не хотелось бы снова цитировать Шекспира, но Джульетта действительно говорит, что купила дворец любви, хотя им не владеет. «Дворец любви купила я, но я им не владею...»

Стантон понизил голос и Эди снова охватило странное чувство, будто она тонет в его глазах.

И тут до нее дошли его слова:

– Хотите сказать, что купили меня?

Она тут же ойкнула:

– Ваше пожатие слишком сильно.

– Я не говорю, что купил вас. Наоборот, Джульетта утверждает, что купила Ромео.

– Значит, это я купила вас? – Эди такая мысль весьма понравилась.

– Но не завладели мной... – Его голос был глубоким и гортанным. Голос человека, который находит удовольствие в перемене ролей, который совершенно уверен в собственной мужественности.

Эротический жар в голосе Гауэйна проникал в кровь Эди как пьянящий напиток.

– Мне нравится Джульетта. Знаете, я всегда хотела иметь щенка. Но, полагаю, мужчина ничуть не хуже, – рассмеялась она. – Здесь, в Фениморе, у меня даже есть балкон.

Стоило ей сказать это, как выражение его глаз снова заставило ее покраснеть.

– Я сказала это не потому, что...

– Вопрос в том, что влюбленные владеют друг другом. Джульетта говорит также, что она продана, но ею не насладились.

– Я понятия не имела, что пьесы Шекспира настолько...

– Что?

Герцог снова выпил вина. Каким-то образом он ухитрился выглядеть спокойным, даже безмятежным, хотя ласкал ее запястье.

– Чувственные, – выдавила Эдит, откашлявшись.

– Верно, – улыбнулся Стантон еще шире. – В соответствующих обстоятельствах, леди Эдит, все кажется чувственным.

Эди невольно задалась вопросом, сколько у него было любовниц. Возможно, он уже с шестнадцати лет шептал любовные стихи шотландским девушкам.

У нее едва не вырвался вопрос. Но она тут же поняла, что на некоторые вопросы лучше не иметь ответов.

Эди стало обидно: никто не потрудился написать стихи ей. Когда дело доходило до подобных вещей, она была наивной дурочкой.

– Вы сказали, что предпочитаете зваться Эди, – заметил Гауэйн.

Она кивнула.

– Будет большой честью, если вы станете обращаться ко мне Гауэйн.

Эди снова кивнула, но тут же поймала взгляд молодой леди, сидевшей напротив. Она смотрела на них с неприкрытой завистью, и когда Эди встретила с ней глазами, прошептала:

– Вам так повезло.

Эди благодарно улыбнулась, и снова искоса взглянула на Гауэйна. Тот, наконец, повернулся к соседке справа.

В свете свечей его кожа отливала медом. Красные отблески в волосах были цвета темной вишни. Он выглядел так, словно произошел от древнего рода воинов.

Эди стало не по себе. Подобного с ней еще не случалось. Она целыми днями играла на виолончели и ссорилась с отцом. Да, она хорошенькая, но не особенно чувственная. И никогда не думала, что такой человек, буквально источавший эротическую уверенность, посмотрит на нее, ведь она не из тех девушек, которые флиртуют и бросают зазывные взгляды. Она даже никогда не думала ни о чем подобном.

Может ли быть, что герцог приветствует каждую женщину или хотя бы тех, кого намерен соблазнить подобной обольстительной поэзией? Сколько еще женщин он сравнивал с Джульеттой?

Эдит ждала, пока он не закончит разговор, и сама бессовестно пренебрегала соседом слева.

– В большинстве случаев я так не выгляжу, – сообщила она.

Гауэйн рассмеялся.

– Я чувствую себя так, словно вы видите меня на маскараде, – продолжала она. – Сначала я была тихой. Спокойной. Вся в белом...

– Как ангел, – добавил он, и дрожь в его голосе бросила ее в жар.

– Но я не ангел, – выдавила она. – И даже не слишком спокойна по натуре. Хотя питаю глубочайшее отвращение к конфликтам. А сегодня...

Она показала на платье.

– Это тоже не я.

– Обольстительное? – спросил Стантон. – Я обольщен.

Теперь Эди понимала, как Казанова приобрел свою репутацию. Должно быть, обладал способностью смотреть на женщину с расплавляющим желанием во взгляде. И конечно, любая падала в его постель.

Она постаралась взять себя в руки.

– Я похожа на царицу Вавилонскую. Но на самом деле я куда более обыденна.

– Я тоже не часто надеваю килт, хотя люблю носить цвета своего клана. Но при ветре очень мерзнут ноги.

– Килт вам идет, – улыбнулась Эди. Ни одна женщина в здравом уме не сказала бы иначе, когда килт надет именно на такого мужчину.

– А это красное платье идет вам.

Последовал момент многозначительного молчания.

Гауэйн понизил голос:

– Я бы хотел стянуть вниз рукава...

Эди прикусила губу. Дыхание перехватило.

– И облизать вас, начиная с губ и заканчивая...

– Вы не должны так говорить, – прошипела Эди. – Что, если кто-то услышит?

– Разразится скандал. Возможно, нас заставят немедленно пожениться. Вы разрешаете мне устроить скандал, миледи?

Его глаза сверкали чем-то более яростным, более жарким, чем злорадство.

Эдит застыла, потрясенная силой увиденных в них эмоций. Как это случилось... между ними? Что это такое?

Неужели люди именно так влюбляются друг в друга? После какого-то пятиминутного разговора? Неужели она влюбилась в мужчину только потому, что он красив и хорошо смотрится в килте? Конечно, он еще и умен, у него красивый голос, и он остроумен... и хочет ее. Хочет больше, чем Эди могла себе вообразить.

Да. Она влюбилась.

Хозяйка поднялась; ужин был закончен. Джентльмены отправятся пить портвейн в библиотеку, дамы удалятся в музыкальный салон на чай.

Эди сообразила, что не ответила на вопрос. Герцог протянул руку и помог ей подняться.

– Не желаю ждать еще четыре месяца, чтобы жениться на вас, – заявил он, сжимая ее руки с таким видом, словно готов пустить на ветер все правила приличия и поцеловать ее прямо здесь. И тогда точно разразится скандал!

– Мой отец часто говорил, что не одобряет коротких помолвок.

К собственному возмущению, Эдит обнаружила, что задыхается как шестнадцатилетняя глупышка. Но все же она упивалась выражением его лица, чувствуя себя так, словно музыка играет в ее венах.

– Возможно, я сумею убедить его передумать.

Громкое крещендо пронеслось над ней и заплесало между ними.

– Хорошо, – прошептала она. – Хорошо.

Эди не была уверена, на что соглашается, но в глазах Гауэйна вспыхнула радость, и этого оказалось достаточно.

## Глава 11

Гауэйн последовал за другими джентльменами в библиотеку, хотя сознавал, что потерял дар речи. Он чувствовал себя так, словно его сильным ударом повергли в беспамятство. А очнувшись он в другом мире.

Словно в пьесе.

Может, он и есть Ромео? Может, это закончится смертью их обоих?

Самое шокирующее заключалось в том, что Стантон мог думать об этом спокойно. Если Эди суждено умереть...

О чем он только думает, черт побери? Они еще даже не женаты! Он почти ее не знает!

Отец Эди стоял один, глядя в камин, так что Гауэйн взял бокал с портвейном и присоединился к нему.

– Лорд Гилкрист.

– Я больше не уверен в том, что вы тот, кто нужен моей дочери, – резко бросил граф.

– Меня печалит слышать это, но боюсь, назад дороги нет. Я женюсь на леди Эдит.

Сейчас его голосом говорил древний герцогский титул. Но за этой вспышкой богатого титулованного аристократа, – кто такой граф, чтобы усомниться в правомерности помолвки? – крылось нечто более примитивное. Эди принадлежит ему, и если он будет вынужден вернуться к обычаям древних пиктов – выкрасть ее из Англии и увезти в Шотландию, перекинув через седло коня... – то так и сделает.

Граф пристально глянул на него, но тут же отвернулся к огню.

– Вот в том-то вся беда.

– Что?

– Вас пожирает желание к ней, верно? Она надела красное платье, принадлежащее моей жене, и теперь вы потеряли голову.

– Что-то в этом роде, – согласился Гауэйн.

– Это плохо, – почти прохрипел Гилкрист. – Очень.

Гауэйн открыл рот, чтобы опровергнуть его предсказание, но Гилкрист продолжал:

– Я выбрал вас, потому что считал, что вы не способны поддаться страсти. Могу сказать по собственному опыту, что страсти плоти не основа для брака.

– Вот как!

Гауэйн все еще пытался понять, как стоит реагировать на это свирепое замечание, но граф снова продолжил речь:

– Моя дочь – настоящий музыкант. Я хотел для нее спокойного рационального брака. Такого, в котором ее муж будет уважать ее талант... нет, гений.

– Гений?

Гауэйн поставил бокал на каминную доску.

– Она играет на виолончели, как ни одна женщина в этой стране. И очень немногие мужчины.

Гауэйн не знал ни одной женщины, кроме Эди, которая играла бы на виолончели, да и мужчин не знал. Но стоит ли указывать на это человеку, чье лицо горело смесью гордости и ярости?

– Она играет лучше меня. А я ведь, думаю, сделал бы превосходную карьеру, если бы родился в простой семье. Не будь она моей дочерью, играла бы в лучших концертных залах мира. Знаете, кто сказал мне это?

Взгляд графа был так же свиреп, как и тон.

Гауэйн покачал головой. Откуда ему знать, черт побери? Он и виолончели-то никогда не видел!

– Роберт Линдли!

Должно быть, выражение лица герцога выдало его полное невежество.

– Величайший в Англии виолончелист, – спокойно сообщил Гилкрист. – Эдит играла для него, конечно, без свидетелей, и он сказал, что, не будь она женщиной, могла бы потягаться с его собственным сыном.

– Я очень плохо разбираюсь в музыке, – пояснил Гауэйн, откашливаясь, – но счастлив слышать, что моя будущая герцогиня обладает таким даром.

Граф открыл было рот, но тут же закрыл снова.

– Я ничего не могу сделать. Она мой единственный ребенок. И должна выйти замуж, – прошептал он с отчаянием.

Его лицо искажало сожаление. Что, черт возьми, по его мнению, сделает Гауэйн? Выбросит виолончель Эдит в окно? Не то чтобы он знал, как выглядит эта самая виолончель – очевидно, какой-то струнный инструмент, из которых он видел только скрипку.

Гауэйн вовсе не хотел пить портвейн или дальше беседовать с Гилкристом, впавшим в уныние настолько, что стало неприятно на него смотреть. Стантон решил, что граф что-то скрывает, и это что-то не имеет ничего общего с Эди. Скорее, с бурными отношениями между графом и графиней! У Гауэйна уже не осталось сомнений, что Эди – это та самая женщина, которая ему нужна. Несомненно, ее здравомыслящие высказывания основаны на близком знакомстве с супружеской жизнью отца.

Герцог поклонился.

– Прошу извинить, лорд Гилкрист. Я, пожалуй, погуляю в саду.

Граф кивнул, не отрывая взгляда от огня.

Гауэйн вышел из библиотеки через боковую дверь и стал осматривать Фенимор снаружи. Дом представлял собой большую грудку камня и кирпича, пристройки к которой делались предками, умными и не слишком. Час спустя он успел осмотреть оба двора, большой задний газон, теннисный корт и лабиринт из живой изгороди... а также балконы. Всего их шесть: два выходили на внутренний двор, четыре – на большой газон. Все вполне доступны, хотя Стантон не настолько глуп, чтобы рисковать жизнью, взбираясь по плющу. Первые два балкона пристроены, судя по всему, совсем недавно. Четыре остальных же казались куда более старыми – настоящие балконы Джульетты.

Но герцог решил, что старые балконы относятся к хозяйским спальням, как и к двум самым роскошным гостевым комнатам. Эди вряд ли предоставили такую, поскольку она не являлась ни родственницей, ни близкой подругой леди Гонории.

Гауэйн вернулся во двор и снова оглядел два внутренних балкона с мраморными балюстрадами. Он решил, что они достаточно крепки, чтобы выдержать веревку.

Стантон вернулся в сад, не прекращая размышлять. Он никогда не обесчестит будущую герцогиню. Но это не значит, что он, находясь с ней ночью под одной крышей, не поцелует ее на ночь.

Странность завязавшихся между ним и Эди отношений сбивала его с толку. Все равно, что быть захваченным водоворотом. Даже мысль о ней ударяла безумным голодом, от которого сжимался желудок. Когда ее пальцы касались его руки чувственным мимолетным прикосновением, которое тут же улетучивалось, как спугнутый олень, в нем загорался огонь. Гауэйн был вне себя. От жгучего желания.

Он решил прогуляться по саду еще полчаса, позволяя холодному вечернему воздуху обдувать тело и приводить в порядок мысли. Потом герцог присоединился к джентльменам. Чаттерис окликнул его, и они вернулись в кабинет графа, чтобы сыграть партию на бильярде. За ними последовал еще один друг детства, – Дэниел Смайт-Смит.

Они играли молча. Наконец, Чаттерис, успешно загнав шар в лузу, выпрямился и резко сказал:

– Я наблюдал за вашим разговором с невестой за ужином.

Гауэйн пожал плечами.

– Меня посадили рядом с леди Эдит. Я, естественно, разговаривал с ней.

– Поздравляю. Леди Эдит воистину прелестна. – Аккуратно загнав в лузу следующий шар, он спросил: – Когда свадьба?

– Через четыре месяца, – ответил Гауэйн, хотя эта идея отныне была неприемлема. – Может, немного раньше.

– Не только я один наблюдал за вами. Отец дамы казался крайне недовольным.

Гауэйн снова пожал плечами:

– Бумаги подписаны, хотя граф предпочел бы, чтобы брак его дочери остался союзом, основанным на холодной практичности.

Чаттерис отправил в лузу очередной шар.

– Ваша беседа не показалась мне такой уж бесстрастной.

Гауэйн отказывался делать вид, что женится по расчету: это запятнало бы растущее чувство между ним и Эди. Поэтому он довольствовался короткой репликой.

– Ваш брак, как я ранее заметил, тоже абсолютно практичен.

Судя по улыбке, Чаттерис прекрасно понял, что имел в виду Гауэйн.

– Нам обоим повезло.

Его шар отрикошетил от бортика и замер.

– Как и ему.

Он кивнул в сторону Смайт-Смита, свадьба которого должна была состояться через неделю-другую.

Гауэйн нацелился на мяч.

– Моя невеста сказала, что у нее комнаты с балконом. Полагаю, ее спальня выходит во внутренний двор.

– Не могу сказать, – нахмурился граф.

– О, ради бога, – вставил Смайт-Смит, – если у леди Эдит есть балкон, он должен выходить на внутренний двор, поскольку у моих родителей балконы выходят на задний сад. Надеюсь, Кинросс, вы не захотите по ошибке влезть на балкон, ведущий в покои моей матушки.

Чаттерис прислонился к столу, игнорируя шутку будущего шурина:

– По-моему, Кинросс, я знал вас всю жизнь.

– Мы познакомились, когда нам было восемь.

Гауэйн забил шар.

– На вечеринке в этом же доме, если правильно припоминаю.

– Тем приятнее видеть, как вы пали жертвой стрелы, пущенной ребенком с повязкой на глазах.

Он имел в виду Купидона? Достаточно верное предположение.

– Кто бы говорил, – парировал он. – Итак, Смайт-Смит прав насчет балкона?

– Это всего лишь мысль, – заметил Чаттерис, – но почему бы не пойти по пути наименьшего сопротивления, а именно по лестнице?

Гауэйн поднял глаза, зная, что из них брызжет необузданное лукавство, которого никогда раньше не видел друг.

– Я бы предпочел удивить ее. За ужином мы обсуждали пьесы.

– О, так вот, что вы обсуждали? – расхохотался граф. – Уверяю, половина собравшихся посчитали, что в вашей беседе не было никаких литературных тем.

– Но, клянусь, так и было. «Ромео и Джульетта».

– Вот как! Опасные штуки эти балконы.

Гауэйн забил еще один мяч.

– Я в хорошей форме.

– Полагаю, старая лестница в каретном сарае, которой мы пользовались в детских играх, все еще там, – смеясь, сообщил Смайт-Смит.

– Но лестница недостаточно высокая, – покачал головой Гауэйн.

– Это веревочная лестница, – пояснил Смайт-Смит. – Мало того, сплетена из конского волоса. Должно быть, именно для такой цели.

– Я нахожу подобное предложение крайне нежелательным, – отчеканил Чаттерис.

– Вздор! – возразил Смайт-Смит, ткнув друга локтем в бок. – Завтра ты женишься, мне ждать того же всего неделю или чуть больше. А бедняге Кинроссу страдать несколько месяцев, а может и дольше.

Он обернулся к Гауэйну, лукаво блестя глазами.

– Я пошлю кого-нибудь за лестницей. Мой камердинер обо всем позаботится, а горничная леди ничего не узнает.

Стантон загнал в лузу последний шар, выпрямился, встретил взгляд Смайт-Смита и разразился смехом.

– Вы сами пользовались этой лестницей!

– Я не имею права отвечать на такое предположение, – весело отнекивался Дэниел. – Кстати, леди разойдутся по комнатам через час или около того. Считайте это моим свадебным подарком.

Гауэйн смотрел, как он выходит из комнаты в сопровождении графа. Оба чертовски видные мужчины!

Он вдруг обрадовался тому обстоятельству, что дебют Эди не состоялся в прошлом или позапрошлом году. Что было бы, познакомься он с ней в качестве, скажем, леди Чаттерис?

Немыслимо!

Когда они поженятся, он будет целовать ее за обеденным столом. Сколько пожелает. В Крэгиваре никто не посмеет возразить, если он прикажет лакеям выйти, когда ему придет в голову взять жену прямо на столе.

Мысленно застонав, Стантон понял, что успокаивающий эффект садов пропал задаром.

## Глава 12

Эди готовилась ко сну в дремотно-мечтательном состоянии. Она приняла ванну, надела ночную сорочку и пеньюар, села на табурет, и Мэри стала вытаскивать из волос шпильки и орудовать щеткой.

Гауэйн представлял собой такую странную смесь: серьезный и энергичный, с легким оттенком язвительного юмора. У него верное сердце. Но он – человек сложный, который, по ее мнению, никому ничего не доверял.

– Желаете прилечь, миледи? – спросила Мэри.

– Не сейчас, – улыбнулась Эди. – Сначала я должна поупражняться. Спасибо, это все.

Когда Мэри ушла, Эди взяла стоявшую у стены виолончель и принялась подкручивать колки. Как бы она ни устала, все же должна играть не меньше часа. Завтра, в день свадьбы, будет не до этого.

Несколько лет назад, когда она впервые отказалась путешествовать без виолончели, отец велел сделать специальный футляр, с мягкой подкладкой и обтянутый бархатом, почти такой же, как у него самого. Теперь их инструменты возили в отдельном экипаже. Футляры были так тяжелы, что из дома в экипаж и обратно их несли два гrooms.

Эдит начала с Вивальди. Часть «Зима» никак ей не давалась. Полчаса спустя она повторяла две фразы снова и снова, пока не достигла нужного результата.

После этого леди вернулась к началу, намереваясь сыграть всю пьесу, прежде чем наконец позволить себе лечь. Она так сосредоточилась на музыке, что вздрогнула от внезапного порыва ветра, донесшегося из стеклянной балконной двери. Ветер взметнул ноты, и несколько листочков упало на пол. Пальцы Эдит соскользнули со струн, и она с тихим проклятием и начала снова.

Теперь ей уже не нужны были ноты: она знала пьесу наизусть. Мелодия, подобно воде, плыла с ее смычка.

Ветерок снова потревожил страницы. Но на этот раз Эди даже не моргнула глазом. Она почти закончила пьесу, когда дверь из коридора вдруг открылась. Эди злобно дернула головой. Мэри знала, как она ненавидит, когда ее перебивают.

Но это была не Мэри. Порог переступил отец. Он нес виолончель. Лицо осунулось, глаза потемнели.

Эдит подняла смычок и кивнула на стул, по другую сторону от камина, рядом с окном. Пока отец шел к ней, она поспешно одернула пеньюар, чтобы прикрыть ноги. Поскольку она часто играла перед сном, все ночные одеяния были сшиты с очень высоким разрезом, что освобождало ноги, одновременно позволяя делать подобающую уступку скромности.

Отец понимал, что играть, сидя боком, крайне неудобно. Ни один серьезный виолончелист не позволит ограничить движения руки.

Теперь он сел и провел смычком по струнам, настраивая инструмент.

– Новая аранжировка Итальянского концерта Баха? – предложила Эдит. Исполнение подобных дуэтов было основой их отношений. С самого детства она высоко ценила вечерние визиты отца в детскую. И начала серьезно работать, только чтобы заслужить его улыбку... но теперь Эди знала, что игра у нее в крови.

Граф никогда не умел проявлять свои чувства. Но приходил в детскую каждый вечер и научил дочь играть. Пришло время, когда ему нечему стало ее учить, но они по-прежнему упражнялись вместе.

Теперь он молча кивнул, соглашаясь на Баха. Они одновременно подняли смычки. Отец и дочь играли вместе так долго, что следовали друг за другом не задумываясь.

Эдит вела вторую партию. Ее ноты танцевали вокруг нот графа, подхватывая суровую басовую партию, растворяя ее в мелодии, вплетая прядь солнечного света в полночь. Отец сидел лицом к ней. Лицо выражало радость и одновременно полную сосредоточенность.

На половине пьесы по комнате снова пронесся порыв ветра, и оба подняли головы. Эди едва не запнулась, когда по комнате разлетелись ноты. Хорошо, что отец был так поглощен музыкой, потому что, к полному изумлению девушки, за открытой стеклянной дверью стоял Гауэйн.

Ее левая рука автоматически скользила по грифу, но глаза были устремлены на герцога Кинросса.

Тут отец резко остановился, а Эдит несколько секунд еще продолжала играть, хотя ноты казались слабым подобием того, какой должна быть мелодия.

Неужели граф что-то услышал?

Она тоже подняла смычок, хотя едва дышала.

– Еще раз? – спросил он.

К облегчению Эди, в голосе отца не было подозрений, просто констатация того, что она потеряла настрой. Неудивительно: невозможно сохранять сосредоточенность, необходимую для такой пьесы, когда жених материализуется, подобно шотландскому призраку, на крошечном балконе, в двадцати футах над землей, у двери в спальню. Как, спрашивается, он сюда попал?

Если отец обернется...

Тщеславная сторона Эди хотела, чтобы Гауэйн посчитал ее чувственной женщиной, чьи алые губы возвещают о ее внутренней сущности. Она поддержала сорочку, обнажив левую ногу. Отец ни за что не заметит: ни один музыкант не смотрит на другого во время игры. Мало того, граф часто закрывал глаза.

– Да, – ответила Эдит. – Вернее, нет. Давай, сыграем Ларго из концерта Вивальди соль-мажор. Перед этим я работала над аранжировкой Мелчетта для виолончели.

– Тебе нужны ноты?

– Нет. Я работала над этой мелодией целый месяц до того, как заболела. Я играла вторую партию. Если возьмешь первую, все получится идеально.

Отец кивнул:

– Помни лиричность музыки, Эди. В прошлый раз ты так сосредоточилась на постановке пальцев, что не слушала язык музыки.

Усталости в его голосе больше не ощущалось.

Удостоверившись, что отец не подозревает о присутствии Гауэйна на балконе, Эди немного расслабилась и позволила себе снова взглянуть на герцога. Он по-прежнему был там. Молчаливый, темный силуэт на фоне неба. Чувства, которые она питала к нему, были такими странными...

Заметив дьявольский блеск его глаз, она ощутила, как сжалось сердце. Как в тот момент, когда она впервые услышала виолончель.

Отец нагнул голову и коснулся смычком струн. Вскоре музыка увлекла Эди.

Она хотела, чтобы Гауэйн понял эту ее страсть, увидел, что это не пустое времяпрепровождение. Поэтому она выкинула его из головы и позволила музыке подхватить себя и понести. Теперь Эдит вторила отцу, вплетая в его мелодию свою. Музыка постепенно нарастала, захватывая воздух и превращая его в звуки такие сладостные, что они казались осязаемыми эмоциями. Ее тело покачивалось в такт игре. Они приближались к самой сложной части пьесы.

Эди нагнула голову, стараясь сделать все, чтобы ее пальцы беспрепятственно перелезали от ноты к ноте. Она ни разу не запнулась. И никогда прежде не играла лучше. Отец не смотрел на нее. Но с проницательностью музыканта Эдит понимала, что по его телу рас-

пространяется глубокая радость. Напряженное отчаяние исчезло, когда он дышал музыкой, создавал музыку. Последние такты были медленными вздохами, музыка и воздух сплелись в единое целое.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.